

ЮРИЙ ТЕРНОВСКИЙ

Скрытая реальность

КНИГА ВТОРАЯ. ВАВОЧКА

Юрий Терновский

Скрытая реальность.

Книга вторая. Вавочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41256910

ISBN 9785449639882

Аннотация

Убийство главы Холмогорска, прилет в Москву миллиардерши, ночное ДТП, забытый в такси криминальный роман из жизни в 90-х и парочка отпускников, вылетающая на Канары... Ничем не связанные, вроде бы, между собой события и люди, а между тем всем и всему отведено уже свое место в той жуткой игре, в которой они уже участвуют. Подкинута и подсказка в виде книжки, в которой наперед описано все, что ждет участников. Задача – выжить. Но кому-то все равно придется умереть. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ИСПРАВЛЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО	5
Что дальше...	5
Child in Time	7
35	16
36	19
37	35
38	55
39	70
40	91
41	109
42	120
43	135
44	142
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Скрытая реальность

Книга вторая. Вавочка

Юрий Терновский

Иллюстратор Poeloq

© Юрий Терновский, 2019

© Poeloq, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3988-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-3987-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСПРАВЛЕНИЕ НАСТОЯЩЕГО

Что дальше...

После неудачного угона дорогого раритетного автомобиля, стоимостью около миллиона долларов, который друзья потом собирались обменять на заложницу, главному герою ставят условие: жизнь пленницы в обмен на жизнь того, кого ему укажут, другими словами – стать заказным убийцей.

Собственно, для чего все и затевалось, начиная с той памятной ночи, когда его сняли с самолета по обвинению в страшном ДТП с его участием, фуры с дорогим грузом и американской миллиардерши, лишившийся памяти после аварии. Похищение его любимой ради выкупа – всего лишь часть задуманной аферы, причем далеко не самая главная. Об этом в первой книге – **Скрытая реальность. ЩЕЛКУНЧИК**.

Обманным путем мошенники получают из Америки 20 000 000 долларов и пытаются замести следы, решив не оставлять в живых вообще никого. Но кровавая цепочка смертей – это еще не самое главное: кому-то важно спасти свое положение, кому-то заполучить деньги, а кому-то и во все кроме мести ничего не надо...

События почти в точности повторяют сюжет малоизвест-

ного романа, написанного много лет назад одним из участников разворачивающегося действия. Но это только на первый взгляд, на самом же деле уже давно вышедших из-под контроля того, кто все это и затеял и уже живущих своей самостоятельной кровавой жизнью.

Якобы управляемое со стороны действие со временем раскручивается так, что намертво обматывает смертельной удавкой шеи не только жертв, но и глотки самих организаторов задуманного преступления, о чем в подсказке из прошлого вообще ни слова, как и того, сможет ли со всем этим справиться главный герой, причислить которого к положительным персонажам тоже никак невозможно. Уж не он ли сам все это и организовал?

Криминальное чтение на ночь? Скорее – размышление о всем том, что нас теперь окружает.

Child in Time

*Вот так забег! В смерти потеха,
Злодеи корчатся от смеха...*

Иван взглянул на светящиеся стрелки своих командирских часов и только после этого полез снова в карман за сигаретами. Последний этаж девятиэтажного дома. Действующие лица все те же, но только еще и шикарный «Майбах 62S», приближенный по максимуму биноклем, позаимствованным им когда-то очень давно у одного мертвого духа.

– И вот ради этого ты затащил меня сюда, чтобы я полюбовался чужой роскошью? – начал уже злиться Погорел. – Сигарету дай, пока я еще добрый.

Друг протянул ему пачку и с удовольствием выложил все технические характеристики этого заграничного монстра, что у него 612 лошадиных силы, до сотни разгоняется за 5 секунд и может разогнаться до двухсот пятидесяти. Но главное даже не в этом, а то, сколько это старье стоит.

– И сколько?

– Где-то полтора ляма баксов за этот хлам 2007 года ее хозяин уже выложил. Мы же его пихнем... Сколько ты там задолжал своим вымогателям, солдатик? А сколько нервов стащили у меня? Правильно, ровно за столько и пихнем, чтобы полностью рассчитаться по твоим долгам, а все осталь-

ное, извини, мне. Точно такой же был у Сеймуса Симмонса из Трансформеров, отвечаю. Смотрел кино? Тундра... Чем ты вообще живешь, если такие фильмы не смотришь, про молочницу Васильеву не слышал, бабу свою потерял, тачки лишился.

– Ты рехнулся, это же уголовщина! – воскликнул Погорел.

– Ну да, – согласился Иван, – на войне без этого никак. У тебя есть другие варианты, чтобы вернуть расползшееся по стране говно снова в задницу?

– Я на угон не подписываюсь, – буркнул Вадим.

– Это твое последнее слово?

Погорел кивнул.

– Тогда и я умываю руки, гранатомета у меня нет.

Вылетевший на всем ходу из-за угла наполовину разрушенного уже комбината бытового обслуживания Т-72 вдруг дернулся и, почти зарывшись стволом в дорогу, принялся неожиданно тормозить, еще какая-то секунда и вот он уже как вкопанный застыл на месте. Ствол смертельной громадины медленно уходит в поиске цели вправо, немного возвращается обратно и... Изрыгается наружу пламя, дергается назад 125-и миллиметровая пушка, чуть откатывается и приседает на задние катки зверюга. Откачивается нагнетателем дым из башни от сгоревшего пороха после выстрела, вылетает использованный поддон наружу и со звоном падает где-то позади на дорогу. Осколочный пошел, цель накрыта, теперь

бронейбойный... Цель – внезапно выкативший из переулка бронетранспортер. Загруженный выстрелами под самую завязку где-то внизу под костлявым задом стрелка-наводчика барабан уже начинает стремительно вращаться, подгоняя к лифту как раз те самые нужные сейчас ячейки со снарядами и зарядами. Старается электроника, ей тоже раньше времени подышать не охота. Первым наверх взлетает снаряд и специальной лапой «забивается» в казенник пушки, затем так же стремительно туда же подается и заряд – вторая часть выстрела. Глаза наводчика прилипают к прицелу. Определяется расстояние до цели, учитывается поправка на ветер, никакого права на ошибку – своя жизнь в перекрестии. Выстрел! БТР рвет назад, но поздно, кроет довольно матом наводчик, задачка без права на ошибку уже решена и кнопка уже нажата, бронейбойный снаряд стремительно уносится к цели. Самый обычный металлический стержень с перьевым стабилизатором, но какой эффект, корпус бронемашин пробит и даже прошит насквозь. Внутри – крематорий.

– Есть!!! – орет танкист в диком экстазе сраженья. – Съели гады, да... Гвоздь ты видел? – кричит он механику-водителю, хотя и знает, что тот его все равно не слышит, но разве в этом сейчас дело, что кто-то слышит его или нет, он сам себя сейчас не слышит. – Как я его прямо в бочину! Пусть суки попарятся, да... Есть цель осколочный лево тридцать, огонь!

Смерть в оскале! Взмывает почти бесшумно вверх в своем

грациозном прыжке пантера – великолепная в своем смертельном оскале черная кошка. Хрипит и дергается, истекает кровью, разрываемая чужими клыками и когтями поверженная жертва. Выживание видов. И как по-другому, когда весь род человеческий с убийцы и начался. Для русского же война, что мать родна, ни одно поколение еще без нее не прожило. Ген войны сидит в каждом... Взрываются и разлетаются в разные стороны осколки снаряда, выбивая кирпичи из стенки вместе с *чьей-то* вражеской кровью. Оседают грязно-серое облако пыли на снег, рвет с места, оставляя позади себя только клубы дыма танк. Война. Ночь, руины и зима, своя жизнь и чужая смерть в прицеле. Сдающие нервы и... *лето*. Танкист не верит своим глазам, пораженный открывшимся за очередным поворотом видом великолепного зеленого проспекта, дышащего летом, бабочками и теплом, одна наглая даже села на башенный ствол и сказочно, словно только для него одного расправила свои крылышки и повела весело своими закрученными на концах в колечки усиками. Павлиний глаз собственной персоной и голубое небо, и городской пейзаж еще в видоискателе, не хватало, пожалуй, только еще снующих в делах туда-сюда по нему легковушек да еще лотка с мороженым с прикрепленной к нему толстой и добродушной мороженицей тетей Машей из его босоного детства. Все остальное же было вполне реальным и натуральным, и даже более чем, включая и бабочку. Шиза полная, если уж все одним словом, дальше некуда, и застывшая

на сбитых губах танкиста счастливая улыбка сиюминутного блаженства. Он даже протер глаза грязными, в копоты и оружейной смазке, сбитыми пальцами, предварительно стащив с них лайковые перчатки, но видение все равно не исчезало. Всего один поворот на 90 градусов, почти крутой разворот танка на месте и нате вам – совершенно иная жизнь, куда только все девалось! Увидеть зимой в башенные стеклышки лето – это уже было что-то, самое время было в медсанчасть к врачу обращаться! Почти еще пацан, но уже лейтенант и командир танка, он закрывает глаза, набирает в легкие воздуха и старается успокоиться, спихнув видение на усталость. Подумаешь, лето! Нема дурных... Скалится дитя во времени, продолжая рассматривать в свой оптический прибор новоявленную за броней шизофреническую действительность, звучит в ушах давно уже ставшая бессмертной потрясающая мелодия Deep Purple.

Вот вернусь и сразу же женюсь, решает он неожиданно, выберу себе такую всю губастую и грудастую, и махну с ней прямо на... Куда-нибудь прямо и махну, все равно куда, да хоть к себе в деревню. Летом и у нас тоже хорошо. Болтается крохотный слоник-брелок на белой стенке башни над шлемофоном – подарок последней Светки-медики из медсанбата, где с первой «боевой царапиной» почти целую неделю и провалялся. Три недели войны, одна из которых на больничной койке с банальной ангиной. Танкист недовольно морщится, представляя себе издевательские ух-

мылки друзей в далеком Ульяновске, когда эта девица разнесет всем знакомым, как он здесь с ней «воевал» в постели. Да, собственно, и постели то никакой не было, так... поцеловались ночью разок перед самой выпиской – вот и весь секс на грани... Надо же было так вляпаться. Интересно, а почему внутри танк всегда в белый цвет красят? Как в гробу, право... Тьфу, сплевывает он. Черт, что за мысли... О жизни надо думать, смерть своего не упустит. Чистое голубое небо вдали, ни одной тучки почти; убегающий вдаль асфальт проспекта под лязгающими гусеницами. Слева ствол 125-мм пушки, нацеленный прямо на солнце. Ряд уменьшающихся к горизонту очень аккуратненьких пятиэтажных домиков и справа и слева от пушки, зеленые кусты и деревья, тоже очень аккуратненькие, а прямо по курсу круглая площадь с шикарной клумбой из цветов, посреди которой...

– Барсук, прием, – голос комбата в эфире, – ответь лисе.

– Барсук слушает, прием, – прижимает к горлу лингафоны танкист.

– Ты где? Доложи Обстановку, твою...

– Проспект какой-то... Воюю один без прикрытия, духи прямо в упор лупят из подвалов. Два моих уже подбито, – хрипит он во все горло, – Прием...

– Вижу, сынок, помигай-ка задним фонарем. Все, молодец, вижу. Я сзади... Дальше не суйся, жди.

– Есть.

– Хана вам всем, – в переговоры встревает чужой голос

и мат в эфире, – весь ваш скотский зверинец здесь этой ночью и замочим.

– Как бы сам не замочился, – спокойный голос комбата в ответ.

Шум в наушниках, пауза...

– Зря ты пришел сюда, русский. У нас в гости, когда не зовут, не ходят. А хорошо без прикрытия то воевать? – издевательский смешок в эфире. – Удовольствие больших денег стоило. По старой дружбе предупреждаю...

Ползет не спеша тяжелый танк по улице между руинами, трещат помехи в шлемофоне, стелется по асфальту дым, горят дома, вырываются из окон и лижут стены злые языки пламени, разукрашивая черное в оранжевое. Дрожит земля и сотрясается от взрывов воздух. Времени ноль часов одна минута, война. Война и новый год на календаре, звон курантов. Где-то сейчас шампанское по бокалам, завидует по доброму наш лейтенант чужому счастью. И салют в небо...

– Стой, твою мать, – орет по внутренней связи он своему механику, отключаясь от внешней, – ослеп что ли, куда прешь, не видишь?

– Куда пру? – не понимает тот командира. – Куда надо, туда и пру, духов давить еду.

Но команду все же выполняет и тормозит, пристально всматриваясь в зеленоватую мглу через стекла прибора ночного видения. Танк накренился «хоботом» вперед, пара метров всего еще по инерции, дергается и, качнувшись, застыва-

ет как памятник воинам-победителям на пустом месте. Резкий и сильный удар ладонью по ручке люка над головой и вот взводный уже спешит наверх, впуская внутрь башни холодный январский воздух войны, а с ней и все остальное. Еще секунда, и он уже на башне, скатывается колом по броне вниз, хватается за ствол, прыгает на снег. Какое там солнце и лето, ухмыляется он, привидеться же такое. Зима полным ходом.

– Кроха, ты откуда здесь? – приседает он на корточки перед девчушкой в пуховом платке, обмотанном крест-накрест через мальчишеское пальтишко, прижимающую испуганно к груди дешевую Барби. – Здесь нельзя, иди домой, девочка, здесь взрослые дяди воюют.

В ответ только расширенные от ужаса зрачки ребенка. Убивающее в ответ молчание... смерти.

– Командир, поехали, – орет ему вне себя от злости обалдевший механик, тоже высунувшийся из люка, – разнесут же в клочья, отбрось ее в сторону на хрен и...

И это было, пожалуй, последнее, что его командир еще успел услышать, сраженный насмерть снайперской пулей. Все случилось так быстро и не больно, что мальчишка в погонах даже и понять ничего не успел, как сидел на корточках, так и завалился мертвый на девчушку с навечно застывшим в своих светлых глазах удивлением. И уже в следующее мгновение огневую позицию снайпера накрыли выстрелом из гранатомета, до чего нашему лейтенанту не было уже во-

обще никакого дела. Ему вообще уже не было дела ни до чего.

Все же удивительная до чертиков вещь – память, всего лишь одно незначительное упоминание о гранатомете и вот один из героев этого повествования уже снова на войне. Защемило и заныло в груди.

– Устал я, – произнес спокойно Погорел, взглянув на Ивана.

– Ты не устал, а засиделся в своей упакованной жизни, – возразил Иван. – Вот черт тебя и приметил, чтобы ты понял, зачем явился в этот мир.

– Тачки тырить, понятно, – скривился Погорел.

– Хоть бы и так, если в этом твое предназначение. Кстати, о птичках, вспомнил я, где эту чуму видел, что на тебя возле подъезда наехала со своей братвой, – без всякого перехода заявил вдруг он. – Весь город ее полуголыми фотками увешен. Она снималась еще в фильме про чернокопателей, докопавшихся до второй мировой.

– Не смотрел.

– Все равно бы не узнал, столько на лице штукатурки, что...

– Посмотрел бы я на тебя после того, как тебя фурой переехало.

– Мне бы такую жизнь, – улыбнулся Иван, – чтобы знаменитости сами поджидали возле подъезда. А всего-то и надо

было – оказаться не в то время да еще и не в том месте. Эта краля и была той исчезнувшей с места аварии сучкой, катившей подшофе на своем кабриолетике со съемок и не справилась с управлением. Потому и смылась, а тебя теперь делают крайним, чтобы ей самой не отвечать по всей строгости нашего продажного закона. Знаменитости из принципа ни за что не отвечают. Взять ту же Василькову из министерства обороны, много она за что ответила?

– Придет время и ответит, не все деньги решают.

– Наивняк, – рассмеялся Иван, – до седин дожился, а все верит в высшую справедливость. Она потому и высшая, чудак-человек, что справедлива только для высших, к коим мы с тобой, увы, никаким боком не прилеплены. Ты себе можешь представить эту актрису в тюрьме? А вот она смогла, поэтому вы и поменялись с ней местами, что простому смертному без разницы где жизнь коротать, за человека все равно нигде не воспринимают.

– Да ладно...

– Вот тебе и ладно. Драматург Разинский на своем джипе в лоб протаранил молодую девицу на ее скорлупке, валил по встрече, он сидит? Смех в зале... А вот тебя обязательно посадят, хоть ты сто раз не принимал участия в той аварии.

– И что? – уставился на него Погорел.

– Ничего, – пожал плечами Иван, – не хочешь угонять эту железяку, что я предлагаю, давай угоним у этой актриски, мне все равно, а подстроим так, будто это твои вымо-

гатели ее у нее стащили? Натворила делов, пусть отвечает по всей строгости нашего дикого закона. Не дадим улизнуть преступнице от закона, пусть она хоть трижды будет двоюродной сестрой жены этого, как его...

– Ты знаешь, где ее тачка? – удивился Погорел.

– Знаю, конечно, – усмехнулся Иван. – На помойке...

– И как же мы ее угоним? – спросил он у Ивана, рассматривая в прицел объект предстоящего нападения уже с более возросшим интересом, чем даже еще минуту назад.

– Молча... – ухмыльнулся Иван. – Я сейчас сбегая за гранатометом, он в машине пылится. Это такая штука, если помнишь, из какой ты в Чечне того снайпера разнес в клочья, детишек использовавшего в своей охоте. Стать целью на войне – плевое дело, хорошо, у того пулька против твоей гранаты мельче калибром оказалась.

– Был бы уже давно там, а не двадцать лет еще как здесь, – устало заметил Погорел, вспомнив давно минувшее. – Не надоело старое ворошить?

– А может это твое старое тогда, сейчас и есть самое, что ни на есть настоящее?

– Да ладно, – отмахнулся бывший гранатометчик. – Не вижу ничего общего, там черное и белое, все ясно и понятно, не размыто безалаберностью мирного сосуществования.

– Вот тебе и «да ладно», – кивнул Иван. – Вся жизнь война, в которой все саперы, выживших не остается. Так вот, сапер, сейчас ты спускайся вниз и чешешь шантажировать охрану. Говоришь, что их лимузин под прицелом, если не дураки, пусть звонят хозяину, те мигом вернут твою телку. А не вернут, от их тачки ручной сборки останутся только

рожки да ножки. Нам чужого добра не надо, но и свою бабу мы им тоже не отдадим. А вторым выстрелом мы разнесем их чудный домик в деревне, буренка с поля вернется вся в молоке, а доить-то и некому, во смеху будет.

– Ты как пацан, – скривился Погорел. – За полсотни лет уже перевалил, а все в войнушку играешь.

– Куда уж нам до взрослых, – хмыкнул Иван. – Мы же повзрослому только в штанишки писаем. У тебя есть другие варианты?

– Других вариантов нет.

– Вот и помалкивай.

Воин засунул прицел в рюкзак, пожалев в очередной раз об утерянном бинокле, и стал застегивать молнию. После чего поднялся с корточек, достал из кармана жевательную резинку и забросил себе в рот две мятные подушечки. Другу не предложил. Почувствовал свежесть во рту, представил, как его зубы покрылись инеем, взглянул на часы, и только после этого продолжил:

– Семь минут восьмого, у нас есть целых пять минут, чтобы спланировать наши действия. Чего уставился, пошли, – подтолкнул он соучастника готовящегося преступления к лестнице, продолжая уже на ходу вводить того в курс предстоящей операции. – Через пять минут ровно, у них там все как у немцев, один из охранников отправится за пирожками в ближайшую забегаловку. На это у него уйдет семь минут, я засекал. Все это время второй остается в будке один.

Твое дело – занять его разговорами и очень вовремя поднять шлагбаум, чтобы не попортить дорогостоящую обивку сидений.

Поехали...

Угонщик усмехнулся, чувствуя, как какая-то неведомая волна прошла по всему его телу, настраивая организм. Он знал свое это пограничное состояние перед бурей, когда голова вроде бы уже к бою была и готова, а тело все еще сопротивлялось. Сначала появлялась предательская дрожь в коленках, затем наступало состояние легкой невесомости и полной отрешенности от действительности, после чего... Страх пропадал лишь тогда, когда нечего было уже терять и когда все движения начинали выполняться автоматически. И это был уже не он в обычной жизни, а отлаженная боевая машина пехоты, настроенная только на выполнение поставленной задачи. Только тогда он воевал за всю страну, которой, в общем-то, и дела до него никакого не было. Сейчас же он начинал свою войну за единственного в этом мире человека и за свою любовь. В более чем зрелом возрасте он только сейчас и понял, когда почти уже все потерял, что и в самом деле готов отдать за эту женщину жизнь. И на старуху бывает проруха, а уж на старика в его годах – это все равно, что напавшая «порча» на малолетку. Быть с ней рядом, обнимать, прижимать к себе, целовать, вдыхать, чувствовать, по-

лучать и отдавать; слушать ее бархатный голос, впитывать ее запах, растворяться в ней, парить в небесах и наслаждаться! Наслаждаться каждой клеточкой ее тела, каждой минутой, проведенной рядом с ней, каждым незабываемым, но увы, уже потерянным мгновением. Стоило ли ради этого рисковать? Пока что он знал лишь одно, что без всего этого теперь просто не стоило жить.

Угонщики вышли из подъезда и быстрым шагом пересекли двор, пропустив несколько машин, перебежали через дорогу и направились к облюбованной стоянке автомобилей. За несколько метров до будки охранников остановились и стали ждать, пока выйдет один из них, который, закон подлости, все никак не появлялся. Иван был спокоен как танк, поглядывая на часы и прикидывая, что весь план, возможно, придется срочном порядке менять. Зараза...

– Придется мне с двумя бравыми хлопцами разговаривать одновременно, – угадал Погорел его мысли. – Ошибочка в расчетах, командир.

– Рот закрой, один сейчас свалит за пирожками.

Поднялся медленно шлагбаум, выпуская перламутровую иномарку, а следом показался и долгожданный охранник в униформе, прикуривающий на ходу сигарету. Злоумышленники дождались, пока тот отойдет подальше, и только после этого приступили к реализации намеченного плана. Погорел взбежал по звучной железной лестнице наверх и за-

глянул в прокуренную коморку, а Иван тем временем незаметно постарался, пригнувшись, проскочить на стоянку пока охранник был занят разговором с посетителем.

— Извините, — позвал нехороший человек, переступая порог, рослого сторожа, стоящего к нему спиной и собирающегося включить электрический чайник, — кипятку не найдется?

Кто фильмы про войну смотрит, тот знает, как обычно снимают часовых, без всяких вопросов, финку в бок и порядок. В мирное же время надо было проявлять еще и деликатность, все же человек охранял не вражеский объект, а всего лишь чью-то частную собственность. Охранник недоуменно оглянулся на невиданную наглость, у него здесь что Смольный, кипятком разживаться? И далее по сценарию угонщику следовало продолжать с этим мужиком беседу дальше, но как назло, закончились вдруг все слова, иногда так бывает, особенно, когда надо сказать что-то умное и затянутое, поэтому ему ничего больше и не оставалось, как приложиться самую малость своим крепким кулаком к чужому хрупкому подбородку. Когда слова уже не аргумент, то кулак — самое лучшее средство для обозначения своей твердой позиции. Что еще раз и подтвердилось сбитым с ног охранником, в недоумении отлетевшим к противоположной стене коморки, выронив при этом чайник с кипятком прямо себе на яй-ай-яй-яй... на брюки. Дико взыв, он тут же и был добит вторым точным ударом в переносицу. Хрясь, прощай

хрящик! Приложившись еще раз и затылком к стене на всякий случай, чтобы уж точно не очнуться, охранник безнадежно сполз на пол по стенке и затих. Прикинувшись мертвым, у насекомых и пресмыкающихся этот прием практикуется довольно часто, когда опасность уже угрожает не чьей-то там чужой собственности, но даже и своей жизни.

– Извини, друг, ничего личного, – вторженец перевернул «мертвого» на живот и, заведя руки за спину, стянул их телефонным проводом вырванным корнем из розетки. – Тебе же потом лучше будет. Скажешь, что напали, не сам же ты себя связал, верно?

А в ответ тишина, вырубленный еще не вернулся для боя. Настольные, с большими зелеными цифрами, электронные часы бесшумно отсчитывали секунды, но так медленно, что так и хотелось их смазать, чтобы повысить скорость хода. Нарушитель спокойствия выпрямился и посмотрел в мутное окно коморки, пытаясь взглядом отыскать машину на стоянке. И это ему с трудом, но удалось, правда, Ивана он там не увидел. «Быстрее, – мелькнула мысль, – где ты бродишь?» Он вышел на площадку перед дверью, которую тут же за собой и прикрыл, облокотился на железные перила и принялся ждать. Бежевый «Майбах» все еще продолжал оставаться на месте, но Иван был уже в кабине, чего-то там возился и даже не собирался никуда катить.

– Эй, служивый, – услышал он вдруг чей-то бас снизу, – машину на ночь поставить можно?

– Без проблем, – пробурчал Погорел пересохшим голосом, чувствуя, как заколотилось под рубашкой сердечко от впрыска еще капельки адреналина.

– За сколько?

– Штуку за ночь, – ляпнул он первое, что пришло в голову, лишь бы только тот отвязался.

– Совсем оборзели, – послышалось удаляющееся снизу.

Погорел заглянул в коморку, охранник не шевелился. Солдат спит, служба идет! Тик-так, тик-так... Часы хоть и не тикали, но в голове гремели так, что куранты бы позавидовали. Егор не сводил взгляда с «Майбаха», одновременно контролируя дорогу, где вот-вот должен был появиться человек с пирожками. И этот любитель теплых пончиков появился, правда, пока еще только в виде крохотной черной точки на тротуаре. Точка медленно, но уверенно росла в размерах, приобретая постепенно очертания человека. Угонщик до боли в пальцах сжал перила. «Быстрее, твою мать», – шептали губы. Его взгляд нервно метнулся к угоняемому объекту, который уже даже тронулся с места и медленно-медленно приближался к шлагбауму, тащась по проходу между машинами. Паровоз с кучей вагонов и тот быстрее ход набирает, чем эта крутизна.

– Что ты тащишься? – заорал он вне себя от нечеловеческого напряжения, нажимая кнопку шлагбаума, – обороты давай!

И автомобиль в самом деле поехала быстрее, будто услы-

шал. Погорел последний раз бросил взгляд на тротуар, по которому весело топал жующий охранник, даже не подозревающий, что ему злодейка-судьба уже приготовила, и по молодецки перемахнул через перила вниз. Охраннику с пирожками оставалось пройти метров десять, не более, когда он увидел поднятый шлагбаум и прыгающего вниз человека, ясно понимая, что пирожков сегодня он уже не попробует.

Куда-а-а?!!! – дико завопил он, срываясь на фальцет и бросаясь под колеса почти уже угнанного автомобиля, за угон которого ему сначала чикнут паховые причиндалы, а следом и его дурную голову, чтобы сильно не переживала. – Стоя-я-ять б... ть!

Светившее в душе солнце тут же исчезло, и его почерневшую в мгновение ока душонку тот час же поразила громовая молния со всеми отсюда вытекающими... Проклятые пирожки! У него на глазах угоняли с охраняемой стоянки самую дорогую машину, чему он никак не мог помешать. Тик-так, тик-так – тикали часики в сторожке над головой связанного охранника, и где-то еще жила в свое удовольствие люди. Погорел прямо на ходу ввалился на переднее сиденье шикарного «Майбаха» и тот рванул с места, сбивая с ног налетевшего на него охранника. С диким ужасом в глазах тот скользнул своим упитанным брюшком по громадному капоту и тут же прилип расплющенной щекой к лобовому стеклу автомобиля.

– Зайцем будешь в другом месте ездить и скакать, – оスカ-

лился Иван, резко выворачивая руль вправо и надавливая еще сильнее на педаль газа, чтобы сбросить нежеланного попутчика с капота, — уж извини.

Соответственно, служивый, размазывая по стеклу сопли с кровью, стремительно слетел влево, добавляя боли еще всему своему телу и встречей с асфальтом. «Майбах» же тем временем, стирая с дымом об асфальт резину, вырулил уже на дорогу, бесцеремонно перегородив путь красной «восьмерке», и помчался, стремительно набирая скорость дальше. Легковушка же, пытаясь уйти от столкновения, с диким визгом вылетела на тротуар и, просвистев еще несколько веселых метров всего в сантиметре от разлегшегося на асфальте охранника, с характерным звуком уродующегося железа и бьющегося стекла, влетела в витрину небольшого магазинчика. В тот самый, в котором продавщица начала визжать лишь тогда, когда до нее вдруг дошла вся рискованная суть момента. Трупов не было просто по случайному стечению обстоятельств, что в магазинчике было пусто. Водитель же тем временем выровнял уже свою машину, ухитрившись увернуться еще от одного гонщика, и стал быстро набирать скорость, вспоминая с улыбкой Сеймуса Симмонса из Трансформеров и почти представляя уже себя на его месте. Теперь можно было и расслабиться, когда все удалось. Теперь можно было и погонять, с таким-то моторчиком под капотом.

– Полетаем! – взглянул он весело на товарища, но тот

не принял его веселого тона.

– Ты на дорогу смотри, летун.

– Чья бы мычала... Не я фуру под откос пустил, и все равно виноватый. Все же удачно пока складывается, – он включил радио и стал нажатием кнопки перебирать волны, ища душевный рок, одновременно то и дело, меняя полосы движения, мигая фарами и сигнала, чтобы уступили дорогу. Испуганные малолитражки шарахались в разные стороны, уступая с матом дорогу взбесившемуся наглецу. На очередном светофоре, промчавшись на красный, автомобиль уверенно ушел в поворот, чуть не передавив всех пешеходов на переходе. Одна сгорбленная старуха так махала им вслед палкой, проклиная гонщиков, что даже Погорел уже поверил, что наступил конец света. Ведь не сбили, посочувствовал он справедливо негодующей старушке. И радовалась бы...

– Еще накаркает, – произнес он вслух, – сбавляй скорость. Незачем привлекать лишний раз внимание.

– Суеверным стал? – улыбнулся Иван.

– Станешь тут, – вздохнул Погорел, каждый день сюрпризы. Теперь лишь бы в пробку не попасть, а там... живы будем – не помрем. Не гони, говорю.

И Иван даже послушался, сбавил тут же скорость и нырнул во дворы, где покружив немного по местным улочкам, найдя укромное местечко, и остановился. Заглушил мотор и довольно откинулся на спинку более чем удобного кресла.

– Приехали, – констатировал он и стал выбираться из ма-

шины. Достал из сумки два новых номера, специально приготовленных для подобного случая и принялся устанавливать их вместо прежних. Много времени это не заняло, хотел пристроить еще на крышу синее «ведерко», но передумал. Эта дополнительная опция подходила под «Мерседес» – машину чиновника, но не под «Майбах». Даже у Михалкова отобрали волшебное синее ведерко с крыши, уравнивая в правах самого известного барина России со всеми прочими участниками движения, что уж было говорить про какого-то там Ивана безродного на ворованном «Майбахе», про которого вообще никто нигде и никогда не слышал, гаишники этого бы просто никогда не поняли.

– Я что думаю, – произнес он, усаживаясь за руль, возвращаясь снова к интересной теме, – пока мы тут лимузины дорогушие угоняем, старушек всяких сдуваем с переходов, охранникам носы плющим лобовыми стеклами и крошим подбородки без вины виноватым, только потому, что мужики устроились не на ту работу. А в это время кто-то, возможно, сидя возле экранов своих телевизоров, смотрит по кабелю увлекательную гонку с преследованием в реальности-шоу. Заказали себе *игрушку* и теперь отрываются.

– Ху его знает...

– А если без «ху»?

– Мы эту версию все равно сейчас не проверим, нечего и воду в ступе молоть.

– Ты меня слышишь? – уставился на друга Иван. –

Не только пелятся, но еще и делают солидные ставки на лошадку, какая живой доберется до финиша.

– Всего-то две лошади, я да Кира.

– Как минимум уже четыре, включая меня и актриску из твоего подъезда.

– Ты б еще старушек возле соседнего подъезда посчитал, – улыбнулся Погорел, вспомнив былое.

– Сколько было пассажиров в самолете? – Иван не стал реагировать на шутку. – Вот и подсчитывай, какие здесь бабки вертятся. Тебя по Москве гоняют, других по острову, третьих по пустыне, четвертых вообще в тайгу отправили, а пятых на Титаник в самое начало прошлого века, техника и не на такое способна в наше время, нам ведь об этом не докладывают. Вот и прикидывай, какое грандиозное шоу господ по всей земле замутили. Не думаю, что у них есть дело до каких-то там винтиков.

– До чего? – не расслышал Погорел.

– До таких как ты идиотов, чего неясно, – усмехнулся Иван. – Ты их совершенно не интересуешь как личность, им интересно – дойдешь ли ты до финиша или скопытишься раньше времени, вот и все. И сколько на тебе заработает победитель.

– Как все сложно, – скептически усмехнулся Погорел, не восприняв всерьез белиберду друга.

– Слишком просто бы не оказалось, – хмыкнул Иван.

Долгое время ехали молча, каждый со своими мыслями.

Иван уверенно вел автомобиль по незнакомым улочкам, пока и не выехал на один из радиальных проспектов, устремившись к центру, объяснив свое намерение тем, что именно там их искать уж точно не будут. Загорелся светофор красным.

– Полиция, – предупредил друга Погорел, когда они уже миновали перекресток.

– Вижу, – произнес тихо тот, напрягаясь, – только этих бобиков и не хватало. Включили «перехват», быстро сработали.

Два полицейских в бронежилетах и с короткоствольными автоматами наперевес внимательно процеживали движущийся мимо себя поток автомобилей.

– Смотри, – Погорел пальцем через лобовое стекло указал на крохотный андроид, зависший прямо над ними впереди по курсу, – нас уже снимают.

– А скоро еще и стрелять начнут, – оскалился довольно Иван, вместе с прилившим в кровь адреналином почувствовавший и вкус к жизни, как в старые времена, когда жил мгновением.

– Гранаты нет, жаль, – усмехнулся нервно Погорел, – выдернул чеку и порядок.

– Не прокатит, – Иван кивнул в сторону двух патрульных «Фордов» и одного мотоцикла, – слишком их много, убежать не дадут.

И вот уже «Хонда», ехавшая перед ними, поравнялась

с полицейским пикетом. Офицер равнодушно скользнул по ней взглядом и махнул рукой, чтобы проезжала, сконцентрировав все свое внимание на приближающемся следующем автомобиле.

– Такое ощущение, – проговорил тихо Иван, – что меня посадили в гинекологическое кресло, задрали ноги к потолку и...

Офицер что-то сказал своему напарнику и приказал Ивану жезлом остановиться. Тот включил правый сигнал поворота и стал притормаживать, наблюдая в боковое зеркало, как инспектор поправил свой автомат и направился следом.

– И почему я их так не люблю? – вздохнул Иван. – Вот ведь смотришь в зеркало, люди как люди, и этот тоже изда- лека на человека похож, а как подойдет ближе, так... Кстати о птичках, банк-то мой прикрыли, лицензию отозвали и все активы заморозили, так что на данный момент я гол как со- кол. Не сегодня, так завтра на самого уголовное дело заве- дут, а здесь еще и ты так не вовремя со своими проблема- ми. Впрочем, дрянные дела всегда не вовремя, как и смерть. И еще... про деньги, что якобы ты спер, так это я не со зла, не принимай близко к сердцу.

Полицейский был почти уже возле самой двери «Майба- ха», когда автомобиль рванул с места. Визг от стираемых по- крышек был такой, что даже встревоженные вороны с недо- вольным карканьем сорвались со своих деревьев, чтобы уж

совсем предать драматизма картине. Офицер еще даже успел схватиться за дверную ручку, но было уже поздно. Приземление было тяжелым, он успел сделать еще несколько больших шагов в падении, прежде чем встретиться лицом с асфальтом, но это были уже его проблемы: содранный в кровь подбородок и ладони, разорванный на брюки, выбитое колено и много прочих ссадин. Зато не подкачал второй офицер, видящий такую творящуюся прямо на глазах у него несправедливость со своим напарником, он то и открыл стрельбу на поражение. Вот тебе и драконовые инструкции... Длинная автоматная очередь прошла воздух.

– Со второй машины тоже бьют, – почти спокойно заметил Погорел, чувствующий себя в подобных ситуациях тем лучше, чем эти ситуации были хуже. – Бери правее, догонят!

Поворот руля и вот уже тяжелое авто послушно уходит вправо, тараня полицейский «Форд» и отправляя его по касательной между деревьями почти в парковую зону через ограждения, урны и прочее. Трансформеры отдыхают со своей компьютерной графикой! Однако на хвосте уже сидит другой полицейский «Форд», почти как в том воздушном бою про космические войны, стреляя уже на поражение.

– Пригнись, – орет дико Иван, уходя от погони, можно подумать, что дверца спасет.

В бессильной злобе на самого себя, что повелся как мальчишка на это безрассудство, Киру не спасет и себя потеряет, Погорел согнулся пополам, лишь бы только ничего это-

го не видеть и не слышать, зажал голову руками и начал готовиться к самому худшему. И тут же почувствовал, как неведомая сила прижала его к спинке сиденья, это «Майбах» стал стремительно набирать скорость, делая, скорее всего, последнюю и самую отчаянную попытку вырваться из западни на свободу. Тщетно... Одна из пуль попадают через открытое окно водителя в цель, окрашивая салон в красный. И вот уже увесистый автомобиль, теряя управление, таранит речное ограждение набережной и с фонтаном взметающихся вверх брызг ныряет в мутную воду безвременья Москва-реки. Из которой когда-то, говорят, водовозы развозили на своих лошадках питьевую воду прямо по домам, а к самой реке были сделаны даже специальные съезды, чтоб ведрами в бочки не таскать. Врут, наверно...

Майор полиции устало поднял тяжелую голову, чтобы лучше разглядеть сидящего напротив гражданина в грязной одежде. Хоть и устало, но все же почти профессионально его взгляд скользнул по заросшей щетиной физиономии задержанного, задержался немного на лбу, изучая свежий шрам, пробежался по царапинам на лице, прошелся по дорогим часам на правом запястье и снова вернулся к бумагам на столе.

– Так и будем молчать, гражданин Лапшин, – произнес он спокойно хриплым голосом.

– Лапшин? – задержанный удивленно взглянул на офицера.

– Забыл свою фамилию?

– Помню, – отозвался хмуро допрашиваемый.

– Так и запишем, – удовлетворенно пробурчал майор. – Сдается мне, Лапшин, – майор сделал ударение на фамилии, – что где-то мы уже встречались, не напомниме?

– Я не барышня, чтобы с мужиками встречаться, – огрызнулся задержанный.

– И это все? – задал очередной вопрос майор, разбираясь попутно с бумагами на столе и, не получив ответа, уже более осмысленно вонзил свой взгляд в наглеца. Теперь в его глазах появился даже какой-то интерес к субъекту, который ему откровенно хамил, что совсем не укладывалось в местные

правила хорошего тона. Наглец или дурак, вздохнул майор, с сожалением глядя на подследственного. Или полный идиот, что еще хуже. Массивные веки устало прикрыли уставшие глаза следователя, спасая от неприятной действительности. И вот с такими типами ему приходится работать.

– Так и запишем, – вздохнул он устало, – что сотрудничать со следствием гражданин отказался.

– Есть тело, шейте дело – проговорил тихо задержанный, – кажется так у Дюрренматта, дословно не помню.

– Чего?

– Да так, – хмыкнул идиот, пожимая плечами, – ничего...

– Хорошо бы, если б так, но так не бывает. У нас за каждое «так» или пять, или в пятак.

– Кто бы сомневался, – задержанный снова вяло усмехнулся. – Если произвольного мужчину, достигшего 35-летнего возраста, посадить без всяких объяснений на 15 лет, то в глубине души этот бедолага все равно будет знать – за что сидит.

– Умно, – согласился майор. – А ты в сорок восемь тем более будешь знать, за что сидишь.

– В пятьдесят, – поправил майора Лапшин.

– Когда выйдешь, будет все семьдесят, – оскалился полицейский, видимо очень даже довольный своей шуткой.

Задержанный равнодушно пожал плечами, да хоть двести, люди все равно так долго не живут, отмечая при этом про

себя, что хмельной взгляд майора стал почти уже осмысленным. Неужели трезвеет? А может и не пил вовсе, подумал он, просто устал с работы, майоры всегда устают, чтобы потом и выспаться в свое удовольствие в метро. Майор в свою очередь тоже подумал, что за время такое настало, что все вокруг врут и воруют, а когда берут за яйца, так еще и хамят. Нет на них Лаврентия Палыча. Он достал из ящика стола карандаш, пододвинул к себе листок с фотороботом какого-то разыскиваемого преступника и принялся подрисовывать портрету усики, потом бородку, рожки подрисовал, чтобы уж совсем сделать похожим на черта. Занятие увлекло. Понятно, что книжку про Мастера с этой его ведьмой Риткой он бы точно не написал, до конца и прочесть-то не с первого раза получилось, досматривал уже по телику, а вот преобразить реального человека в потустороннюю личность — это всегда, пожалуйста. Подумал и подрисовал еще жирным кругом огромный фингал вокруг левого глаза фотороботу, заштриховала черным один зуб и написал печатными буквами на лбу: «Не забуду мать родну», так и написал без последней буквы, чтобы уж портрет окончательно стал узнаваем. И все же, где он уже видел уже эту козлиную рожу с рогами? Майор откашлялся и полез ковыряться в носу, чего никогда не позволял себе при людях, сейчас был как раз такой случай. Как только что серьезное попадает в руки, вздохнул он, так сразу же жди и звонка сверху, что дело передается в вышестоящие инстанции под соответствующий контроль.

Достали уже эти неприкасаемые, сломанный карандаш летит обратно в ящик, я размалеванный портрет в скомканном виде в корзину для мусора. Описав дугу, бумажный ком падает на пол и начинает потихоньку распрямляться. И хотя относительно конкретно этого типа, ухмыляющегося напротив, никто пока еще не звонил, настроение от этого не улучшалось. Задержанный без всякого интереса провожает взглядом полет комка и снова возвращается взглядом к черной точке на полу между кроссовками. Дождь за окном, мерзость в душе, гадость кругом – круговорот говна в природе! И почему все эти майоры и капитаны в органах такие одинаково усталые и тупые, думает он. Можно подумать, что вся жизнь в депрессии. Поэтому некоторые в пагонах и не выдерживают, двигают в гастронорм и начинают там всех подряд мочить из табельного оружия, спасая несчастных от дальнейших поисков смысла жизни, а себя от опостылевшей действительности. Куда все катятся, что ни день, то новость об очередных расстрелах в школах, магазинах и на пляжах. Одни стреляют сами, другие предпочитают сами взрываться в толпе, как недавно в Турции, неужели на всех так воинственный Марс так действует, приблизившийся так близко, что без войны уже и никак? Кто идет сейчас в органы? Пятьдесят процентов – желающих подзаработать, крышуя всяких и обдирая попавшихся как липку, еще – сорок – униженных и оскорбленных коротышек и недобитков, хватанувших от общества, начиная со школьной скамьи столько унижений и оскорб-

лений, что за всю службу не отыграться. И лишь десятая часть – честные знаменские. Майор – скорее из уставших, решил задержанный. Тянет ляжку, что деваться не куда, как тот капитан из кабинета вне времени, система под себя давно уже переделала, скорей бы на пенсию.

Взгляд полицейского снова возвращается к комку бумаги на полу. Дождь. У всякого святого есть свое прошлое, усмежается он чей-то мудрой мысли. Зато у преступника есть его в клеточку будущее. И почему в мокрую погоду всегда так хочется спать, думает майор, прикидывая, сколько ему еще до обеда здесь торчать. Допрос обещал затянуться, чего ему совсем не хотелось. Выбить признание и все, тем более что и выбивать особенно-то нечего – все и так ясней ясного. Служивый тяжело поднялся, помогая комку нервов здоровенными лапищами, обошел письменный стол и приблизился к сидящему, взял больно тремя пальцами подследственного за подбородок и задрал голову кверху. Бить не стал, пожалел заморыша.

– Чего скалишься, не нравится? А будет еще больнее, – прохрипел он простуженным голосом. – Когда я начну применять к тебе соответствующие меры воздействия. Лучше сам признайся, чистосердечное признание...

На что допрашиваемый лишь усмехнулся:

– ...облегчает работу следователя, автоматически увеличивая срок подследственного. Заявляю еще раз вполне официально, гражданин начальник, что никаких машин я не уго-

нял. Купался в реке, когда на меня накрыло сверху грудой железа. Нужен стрелочник, ищите, страна большая, сам на себя я заявлять не буду!

— А вот твой напарник, — майор откашлялся, — уже начал сотрудничать со следствием, смотри, не прогадай.

— Не знаю, о ком вы, — усмехнулся задержанный, — я купался один.

— Березу за окном видишь? — ткнул пальцем в дерево майор. — Была бы моя воля, я бы всех преступников на березах развесил, веток много, если даже одна и сломается, то дереву от этого хуже не станет.

Задержанный бросил быстрый взгляд в окно на дерево, затем на злого майора и тут же снова уставился на пол. Вешаться он пока еще не собирался, как бы этот мент на этом и не настаивал, вот провалиться сквозь землю, чтобы поскорее отсюда — это, пожалуйста. В животе у майора заурчало и заныло, скорее всего, чем-то не тем позавтракал или подхватил кишечную инфекцию воздушным путем. Ему даже захотелось тут же избавиться от лишних газов, распирающих живот, чего даже он при всей своей значимости и важности занимаемой должности, конечно же, позволить себе не мог сделать прямо в кабинете. Служивый достал из пачки мятую сигарету и закурил. Звонило чуть свет начальство и требовало увеличить раскрываемость, после такого у кого угодно газы появятся. Вспомнилась утренняя вареная колбаса, которой позавтракал, может от нее живот так пучит? Вот раньше

была докторская, вся страна даже в рабочее время в очередях стояла, а теперь... Сигаретный дым заполнил всю комнату и стал постепенно выветриваться в приоткрытое окно. Майор просто обожал свежий воздух. Задержанный глубоко вдохнул в себя сизую отраву, радуясь про себя, что на полицию, слава Богу, не распространяется принятый закон о запрещении курения в общественных местах, местах служебного пользования и на улицах. Полиция к общественному месту уж точно никаким боком не относилась.

– Кури, – майор заметил, как тот жадно потянул ноздрями и протянул ему сигарету. Одной рукой протянул подачку, а второй ладонью тут же заехал товарищу в ухо, чтобы не расслаблялся, что того и вырубило. Майор даже удивился, вообще-то не очень сильно и заехал, народец-то нынче хилый пошел. То ли дело раньше была докторская колбаска из настоящих продуктов, мысль по спирали снова вернула в прошлое. Чистенькая, вкусенькая, здоровенькая, не из туалетной бумаги. Передавали недавно, как на одном молочном заводе работники сначала принимали молочные ванны, после чего только начинали разливать это молоко по пакетам. И он утречком молочка тоже попил, вот и пучило. Вернулся к поверженному дохляку, похлопал по щекам, легонько, никакой реакции Голова разбита, на лбу пластырь, один зуб отсутствует, вид и в самом деле был еще тот у бедняги. И как из таких доходят выбивать показания, чертыхнулся майор, самому выдумывать сказки для начальства?

– Сержант, – прохрипел он уже в коридоре, направляясь быстрым шагом в уборную, – вызови врача, быстро. Еще один ушел в безсознанию. Все такие нежные, блин! Слово в ухо не скажи, сразу падают.

И вот он – *момент истины*. Вырубленный очнулся, когда кабинет следователя был еще пуст. Один прямую кишку прочищал в «пахучем» месте, другой за доктором еще только побежал, а этому судьба в это время предоставляла еще один крохотный шанс во спасение. Пустой кабинет и открытое окно на свободу. И хотя дождь на улице только усилился, это уже никак не могло повлиять на принятое решение – ВАЛИТЬ, если бы там даже кирпичи падали с неба. Не застрелили в машине, не утонул в речке, не скончался под пытками при допросе, даст Бог, и при прыжке из окна ментовки, даст Бог, с ним тоже ничего не случится. Не стоило упускать возможность подышать свежим воздухом перед светившим ему реальным сроком, когда еще такой случай представится. Вот он его и не упустил: добрался до окна, забрался на подоконник и, перекрестившись, с пятого этажа сиганул, сильно оттолкнувшись от подоконника и вытянув руки вперед, вниз. Расчет был верным, как можно сильнее оттолкнуться от окна и долететь до раскидистой березы, выросшей специально для этого побега почти под самым окном, а там уже или пан или пропал, на все воля божья. Ста смертям не бывать, а одной не миновать. Вот спасет человека, потом пусть сажают,

он сам придет с повинной, а пока... Хрустнула с треском под телом ветка... одна, вторая, третья! Более того, этот треск слышал даже запорный майор в сортире, но не придал этому особого значения. Озарение наступило чуть позже, когда он стал газетой вытирать себе одно место. Читал на унитазе про Горбачева, как тот Союз сливал железной Тэтчер, портретом и вытер. Ширинку он застегивал уже в коридоре!

Сломанная ветка с треском валится вниз, а вместе с ней и наш беглец с перекошенным ртом и расширенными от ужаса глазами, пытаясь хвататься за другие ветки, но только стирая при этом в кровь ладони о мокрую кору и получая по лицу и по телу хлесткие, жгучие удары от многочисленных прутьев; кувыркаясь и вопя при этом во всю глотку, обрекая своим воем всю попытку побега на полную неудачу. И хотелось бы не орать, чтобы не привлекать внимание, да только разве ж это возможно. Еще и маму звал... попрощаться. Раскачиваются в чьем-то перекошенном воображении повешенные майором мертвецы на других ветках, веревка не выдержала лишь у одного... А вот и асфальт! Говорят, что в такие отчаянные моменты за считанные секунды перед глазами почти покойника проходит вся его жизнь. Наш же прыгун же все это время думал, как хорошо, что он все же пока еще не сорвавшийся с горы альпинист, которого ждет внизу уже памятная табличка с его именем на века вечные. Спасла нижняя, самая толстая и последняя перед землей ветвь, которая и приняла его на себя. Пролети он мимо, и собирать

уже другим его кости под той березой.

Была у полицейского слабая надежда, что этот гад все еще без сознания валяется на полу в его кабинет, но недолго. Открытое окно и отсутствие тела говорили сами за себя. Бросившись к окну, он выглянул почти по пояс вниз, желая увидеть там беглеца с переломанными ногами на мокром асфальте, всего в крови, но живого, ему сегодня еще только трупа под окном не хватало, но тщетно. Асфальт был девственно чист, если не считать сломанных веток, валяющихся под деревом и прилипших к асфальту мокрых листьев. В банях такие к распаренным задницам хорошо прилипают. И никакого мокрого места, точнее, кровавого от зверски удравшего, такое вот скотство...

– У-у-у... – взвыл майор, и какая сволочь только посадила именно под его окном это дерево. Чертовы субботники, какой только гад придумала подобные праздники для личного состава.

Лекарь появился, когда майор уже сосредоточенно курил за своим письменным столом, переживая случившееся.

– Тебе, что ли, плохо? – спросил доктор, присаживаясь на свободный стул.

– Мне хорошо, – буркнул майор, – плохо другому.

– А где же этот другой? – огляделся медик вокруг.

– Сбежал, – рыкнул майор, – сиганул в окно стрекозел и поминай как звали.

Медик подошел к окну, выглянул и присвистнул:

– Не фига се... товарищ капитан!

– Майор.

– Не факт, после такого косяка как бы и до старлея не ска-
титься. Прапорщик, у меня спирт есть, обмоем понижение?
Чем не повод устроить пьянку на рабочем месте, позво-
мужиков, пригласим генерала...

Майор отказался. И медик не стал настаивать, само-
му больше достанется. Доктор предложил еще и вазелина
на всякий случай прихватить с собой, когда на ковер пойдет.
Правда, чуть не получив при этом пепельницей по затылку!
Успел вовремя закрыть дверь с той стороны. С этой же сто-
роны двери валялась на полу распрямившийся уже наполо-
вину листовка с разрисованным портретом разыскиваемого
преступника, некоего Погорела В. С., зачем-то нацепивше-
го на себя маску черта. Майор поднял бумажку, разорвал ее
на мелкие кусочки и медленно-медленно высыпал ее в кор-
зину для мусора. Подошел к окну и тихо-тихо, чтоб ни одна
местная сволочь не услышала, пожелал беглецу удачи.

– Все, чем могу, солдатик, – вздохнул он, прикрывая
створку. – И поможет тебе Бог.

Уселся снова за стол, открыл ящик и молча уставился
на пакет, прикидывая, на сколько лет безбедной жизни ему
теперь хватит его содержимого, можно и прапорщиком те-
перь на пенсию. Кто-то конкретно спонсировал этого Пого-
рела, прикинул он. Погружая того все глубже и глубже в без-

донную яму.

И за шлагбаумом беглецу тоже повезло, удача была сегодня на его стороне, он сразу же поймал машину, уселся на потертое сиденье рядом с джигитом и приказал тому двигать в ресторан по названному адресу. Освобождение надо было отметить! Заросшего вида бомбила недоверчиво покосился на опасного пассажира, один устрашающий вид которого уже внушал уважение. Весь мокрый, рваный, разодранный до крови, да еще и с прилипшими к телу березовыми листьями, типу явно только ресторана сейчас и не хватало.

– А деньги, дорогой? – горец предпринял слабенюкую попытку избавиться от клиента.

– Будут тебе деньги, – рывкнул тот. – Езжай, чего уставился? Или выметайся, я сам поеду.

Собственно, что тот и сделал, заявив чуть позже полиции, что этот расцарапанный гад, этот нехороший человек, просто встал у него столбом перед капотом и все. Хоть дави, но только он же не бандит с большой дорога. Понятно, что на таком паленом транспорте беглец уехать далеко не мог, но он далеко и не собирался. Бросил тачку во дворах через квартал, загнав между гаражами, позаимствовав хозяйскую джинсовую куртку с заднего сидения, которую тут же и натянул на свой расцарапанный торс, заодно избавившись и от рваной рубашки. Все лучше, чем у поэта Бездомного, хоть не в кальсонах по городу! Далее дворами до обществен-

ного транспорта, несколько остановок на троллейбусе и далее снова в такси. Сказал, что расплатится на месте и назвал адрес в центре. Ехали долго, еще дольше пришлось стоять в пробках. После дождя в Москве всегда так – три капли капнет, а пробки в 8 баллов – бесконечность! На месте пассажир попросил водителя подождать и вышел из машины, направившись к двери черного хода питейного заведения с очень оригинальным названием «Ресторан». Минут через пять из этой же двери показалась длинноволосая девица в черном брючном костюме и красном свитере, с черными, как смоль волосами, протянула ему в окно тысячу и исчезла, ухитрившись даже на него не взглянуть.

– И снова он, – прокомментировала явление его недавнего знакомого народу Эльза, – все тот же неутомонный, но только с еще больше разбитой рожей. А по телику уже передали, что ты утоп.

– Так и передали?

Девица кивнула.

– Значит, так и есть, – закашлялся неутомонный, сбрасывая с плеч прямо на пол чужую куртку, обнажая кровоточащее тело. – Утонул, так утонул! Чем скалиться, лучше принеси бинт, пластырь и перекись водорода, будем в порядок приводить утопленника.

– А тебя сюда звали, – скривилась она, – тем-более с того света?

– Его не звали, но он приперся... Меньше в ящик пялся, здоровее будешь.

– Не справился с управлением? – Эльза его не слышала. – Как ты одновременно можешь быть и живым и утопленником? Тебя собаками травили, раздирали в клочья обезьяны или долго таскали на веревке за одну ногу по асфальту? Тебе же совсем пить нельзя, ты же сразу становишься опасным для общества.

– Вот общество пусть и боится, – усмехнулся он беззубым ртом.

– Ты не ответил, как одновременно...

– Сам удивляюсь.

Эльза скривилась:

– Удивительное дело...

Вместо ответа непрошенный гость устало уселся на пуфик возле трюмо, взял черную помаду и молча нарисовал на зеркале три нуля и только после этого пририсовал к ним еще единичку. Сказал, что это за такси и улегся прямо в обуви поверх ее разбросанных вещей на диван.

– Я на такси приехала? – спросила сухо черноволосая, поражаясь наглости этого ублюдка, бесцеремонно свалившегося ей на голову, более того, еще и требующего, чтобы его это «явление» оплатили из чужого кармана.

– Приехал я, – кивнул наглец, – но платить все равно придется тебе. Верну с процентами, не переживай.

– Вот гад! – Эльза схватила со стола деньги и выскочила

на улицу. — Привязался на мою голову.

Вернулась она только минут через десять, но уже с медицинской аптечкой в руках, раздобытой в своей красной машинке, рядом с которой еще и перекурила. Хотя и не за 15 метров от ресторана, но все же... Непрошенный гость к этому времени уже крепко спал, погруженный в свои кошмары, не отпускающие его даже там, где вообще ничего реального, кроме возможности уже в скором времени вернуться обратно. Эльза не стала его будить, более того, она даже его накрыла пледом, сняла туфли и подложила под забинтованную голову подушку. И уже только через два часа, когда человек проснулся, принялась за его раны.

— Боже мой, — причитала она, прижигая зеленкой, перекиси не нашлось, очередную рану на спине несчастного, — на тебе же живого места нет, кретин. Нашел новую работу в цирке, стал подрабатывать обезьяной?

Пощарапанный морщился, но терпеливо сносил все колкости вредины, с которой однажды даже вроде переспал, в чем был не очень уверен.

— А тут недавно твой дружек в очках заглядывал, прикатил на служебном «Мерседесе», предлагал покровительство и постоянный доход в пять сотен баксов за ночь.

— А ты?

— А я послала его куда подальше, — закатила она глаза к потолку, смакуя прошедшее. — Я же теперь знаменитость и меньше тысячи за ночь уже не беру. Меня два раза уже

по телику показывали, скоро в артистки пригласят как Бузову.

– Не знаю такую. И чего он тебе не нравится, артистка с погорелого театра? Нормальный мужик, кстати, мой коллега и друг.

– Сам дурак, – огрызнулась она. – Это ты ему по-дружески уступил место в своем кресле на работе?

– Не без твоей помощи, – упрекнул ее мужчина. – Или уже забыла, благодаря кому ты стал почти знаменитостью?

– Забудешь тут, – Эльза от возмущения чуть не вылила на спину гада весь флакон зеленки. – Я же уже извинилась за свою глупость и отработала, сколько можно упрекать? Если бы кто-то не захотел, то твой начальничек ничего бы и не увидел.

– Не будем перемалывать перемолотое. Этот сюжетик по ТВ с угоном твоей «божьей коровки» было трудно не заметить. Однажды я участвовал в круглом столе с иностранными предпринимателями, так знаешь, сколько звонков получил от знакомых за вечер, после того как засветился в ящике, даже шеф звонил. Так что сам виноват.

– Пить меньше надо. Не напился бы, не потянуло бы налево, – взглянула она на него с иронией. – Не потянуло бы налево, не снял бы в кабаке шлюху... Не снял бы шлюху, она бы не подлила бы тебе отравы, ну и так далее по наклонной. Но только выгнали-то тебя не за это, милый друг.

– А за что? – уставился он на «занозу».

– Не надо трахаться по кустам с кем попало, баб мало, уже на мальчиков потянуло?

Погорел побледнел, как все же быстро распространяется по земле всякая гадость. Не успел пукнуть в одном месте, как в другом уже атомный взрыв!

– Очкарик рассказывал про какое-то порно с твоим участием, мигом разошедшееся по вашему офису миллионным тиражом, – пояснила она свою новость, – контора до сих пор не может прийти в себя после шока. Как ты сам целую коробку дисков про самого себя в офис приволок, чтобы всем хватило, нарядившись клоуном. Радуйся, жизнь удалась. Но и это еще не все, еще он мне рассказал, как ты обрюхатил одну, а собрался жениться совсем на другой, а еще...

– Достаточно! – взмолился несчастный, – мне это не очень интересно.

– И то верно, – скривилась девица, – чего интересоваться тем местом, где тебя с ног до головы...

– Тебе-то какое дело до всего этого? Я в грязи лишь вывалялся, а ты в ней живешь постоянно.

– Верно, никакого, – пожала она плечами, отворачиваясь. – И чего ты добился в этой своей жизни, вывалялся он? Друг на работе подсидел, любовница кинула, снял телку в кабаке, так и та в ментовку сдала! Живет человек, перекаати поле, до седин дожил, а ничего так и не нажил, кроме ада, который сам же вокруг себя и создал.

– Рот закрой, – рывкнул он, теряя терпение. – Не кинула,

ее похитили.

– У нормальных мужиков баб не похищают, – заметила Эльза, сменившая вдруг гнев на милость, – вот!

– Чего прицепилась?

– Значит, есть чего... – зыркнула из-под ресниц негодница. – Иначе терпела бы я тебя тут, ага, летел бы как сраный веник, пердел и радовался. Может у девочки обостренное чувство вины за содеянное, так не бывает?

– Ты уже отработала, проваливай.

– Вот гад, у меня сидит и меня же прогоняет, первый раз в жизни вообще встречаю такую сволочь.

– Смотрю, – Погорел дотянулся до сигареты и, закашлявшись, закурил, – у тебя ненависть ко мне прямо на генетическом уровне, так и прет, на себя посмотри.

– Сменил пластинку, генетик, – перебила резко она его, – чтобы я тебя и в самом деле не выставила, договоришься мне.

Так за беседой, лишь иногда переходящей в легкую перепалку, грозящей превратиться в тяжелую войну, его всего зеленой и замазали.

– Молчу, – вздохнул он.

– Может тебе бритву дать? – предложила вдруг она. – Я ей, правда, обрабатываю интимные места, но ничего. Все лучше, чем бомжом по улицам шарахаться. Побреешь рожу, смотришь, и жизнь наладится. Не зря же говорят, что внешнее – это все твое протухшее нутро.

– По тебе этого не скажешь, – усмехнулся Погорел. – Красивая же внешне девка, прогнившая изнутри

– Скотина! – взвизгнула Эльза и запулила в наглеца первым, что подвернулось под руку, пустым стаканом, – на себя глянь, ходячее безобразие. Бритву давать?

Стакан пролетел мимо и даже не разбился. Удалось увернуться.

– Не надо, – он сначала отказался, чтобы и его рожу не стала вдруг похожа на чье-то там выбритое интимное место, но рассмотрев себя в зеркало, решил все же привести морду в порядок. Хорошо бы еще и в блондина перекраситься, подумал он, чтобы уж совсем стать неузнаваемым, но потом от этой идеи отказался. Кто-то снимет на видео, раз уж пошла такая пьянка, и оно тоже окажется на работе, пусть и бывшей, но все равно пока еще не отпустившей.

– Совсем другое дело, – провела она по его выбритой щеке своими нежными пальчиками, прижимаясь всем телом, – таким ты мне больше нравишься, старичок. Котик, а давай мы зеленкой и на твоей моське царапинки замажем? – промурлыкала кошечка.

– Сгинь нечистая, – отмахнулся он.

– Я-то чистая, – отстранилась она, – а вот когда ты последний раз душ принимал?

– В среду... Могу остаться, чтоб еще раз помыться, потом не избавишься.

– А может быть, – промурлыкала она томно, – я только

этого и хочу! Хоть бы одним глазком взглянуть на ту дрянь из-за которой столько проблем. У тебя такой вид, как будто ты только что с помойки.

– Рот закрой, лучше скачай мне кинцо, – попросил он, называя название, – с Дугласом в главных муках.

– Зачем тебе это старье?

– Посмотрим, увидим.

– С тебя три тыщи за дезинфекцию и проваливай, – фыркнула она, – здесь кино не показывают.

– В комод лежат, – улыбнулся он, указывая глазами на мебель. – Бери сколько хочешь.

Фильм девице не понравился. Она вообще не уловила связи киношного розыгрыша своего непрошенного гостя с его реальной историей, хотя тот во время просмотра и посвятил ее в кое-какие подробности своих злоключений, в некоторых из которых, кстати, и она тоже уже успела поучаствовать, причем не с лучшей стороны. Рассказал он ей и про тот остросюжетный романчик, стащенный Кирой из такси, имеющий, по его мнению, также какое-то отношение ко всему тому безобразию, что сейчас раскручивалось вокруг него, хоть и написанный более десяти лет назад. Пропустила мимо ушей, ей только и осталось, что остросюжетными историйками интересоваться, когда своих дел выше крыши. Приперся, звали его, заставил кино еще это смотреть, в котором больше всего ей не понравилась престарелая домработница этого крутого папика, которого играл Дуглас, вляпавшегося в какую-то непонятку. В кино Эльза и здесь тоже... Именно это якобы случайное совпадение реальную Эльзу и насторожило. Если все это розыгрыш, как утверждает этот Погорел, то о случайностях лучше забыть сразу. Всякий розыгрыш – это прежде всего сценарий, где прописывается все – от первого и до последнего пука. И если она уже тоже в этом гребаном сценарии, то лучше, чем она сама, о ней никто не позаботится. Не делай людям добра, вздохнула она. Не получишь зла.

Надо было ей вытаскивать этого типа из ментовки, блин, сама виновата. А здесь еще и этот якобы *случайный* звоночек от Кармен, вдруг заинтересовавшей ее делами.

– Все нормально? – подошла та издалека к интересующему ее вопросу.

– Более чем, – ответила Эльза, – с твоим протее маюсь, заявился тут...

– Ты о ком?

– Ой да ладно, – скривилась девица, – все о нем же... Сама запала на алкоголика, а мне расхлебывай. Или ты тоже в розыгрыше, как и этот твой расцарапанный зверек, чего звонишь?

– Так...

– Ну и я так, – огрызнулась Эльза, – сама где шляешься? Я звонила ночью к тебе домой, тебя не было, на работе тоже не появилась?

Кармен не ответила. Эльза пожала плечами на более чем странное поведение своей начальницы и бережно положила свою новенькую электронную цапку на старенький стол. Подумала немного и убрала айфон в свой дамский рюкзачок от греха подальше. Ищи потом правды в поле, разгоняя чужое вранье, рассудила здраво она. И ведь была почти права в своей осторожности. Девица подошла к окну, открыла фрамугу, впуская свежий воздух в комнату, достала из холодильника апельсиновый сок, отхлебнула прямо из пачки, не предложив гостю. Ждала, что попросит, не попросил...

Вернула сок в холодильник, все это время о чем-то раздумывая, закурила и только после этого неожиданно предложила съездить еще разок в то агентство, которое его так конкретно поймело. Не ради него, все это время внимательно наблюдающего за ее действиями, ради себя самой, привыкшей держать все под контролем. Раз этот тип уже здесь, сделала она вывод, то, скорее всего, и она тоже уже в этом его дьявольском сценарии, где все ходы расписаны на несколько страниц вперед. Съездить хотя бы для того, чтобы убедиться, что оно (это чертово агентство) все еще функционирует и никуда не исчезло, как в том фильме, который они только что посмотрели. Если конторка на месте, то никакого такого сценария нет и в помине, все это выдумки этого расцарапанного придурка, лишь бы только было где перекантоваться. Но с этим уже не к ней, пусть у других дур ищет себе ночлежку. Вспомнила про звонок Кармен, поведение которой тоже не укладывалось в привычную схему, чтобы та когда раньше не вышла на работу, не было такого. Она была просто помещена на своем ресторанчике, дневала и ночевала в нем. Может, влюбилась? Эльза попробовала уже сама до нее дозвониться, набрав знакомый номер. Тишина, странно...

– Ты про какую-то книжку говорил, – вспомнила неожиданно она, решив вдруг даже чтением заняться.

– Ну, – кивнул Погорел, – говорил... захотелось почитать?

– Не хохми, – скривилась танцовщица, – лучше вспомни, в этой брошюре мое имя упоминалось? Название вещицы?

Мужчина попытался вспомнить название, которого не знал, но тут же и отмахнулся от этого пустяка.

– Даже если и была, что из этого? – спросил он.

– Да так, – пожала плечами Эльза, – ничего особенного. Фамилию автора тоже не помнишь? Молодец... Пробили бы через Интернет и никаких проблем. Если тебя разведут по ней и по этому кину, то вполне можно узнать, что нас ожидает дальше.

– Нас? – удивился Погорел.

– Да, нас, – произнесла она с вызовом, – раз ты у меня. Мое имя в кино, в этой книге и даже в этой комнате, тебе мало совпадений, требуются еще? Номер такси помнишь, где одна дрянь стащила другую?

– Вроде С 886 РК, – произнес неуверенно Погорел, вспоминая. – Фаэтон, это точно.

– Звони, – тут же приказала она, и даже протянула ему свой телефон, рискуя вещицей. – Мне из-за тебя только гадостей и не хватало. Узнавай все про этого гада, как звали, фамилию и все остальное. Он тебе про хозяина книжки все и расскажет. Возьмем его в плен и будем пытаться, пока все нам не выложит. Не просто так тебя этот таксист три раза возил вокруг аэропорта, таких случайностей в Москве не бывает.

– А ты откуда про три раза знаешь?

– Сам говорил, забыл?

Мужчина набрал номер и долго слушал длинные гудки, пока ему не ответили, что его звонок очень важен для них...

Соврал, что недоволен работой одного таксиста, у которого два счетчика в машине, причем верхний заклеен черной изолентой, чтобы клиент не видел. Зато нижний считает в два раза дороже. Назвал номер машины.

– Извините, – ответила девушка через минуту, – но у нас машины с таким номером в базе нет.

– Сто девяносто седьмой регион, белый номер, – уточнил он на всякий случай.

И получил ответ, что у них все такси на желтых. Взглянул на Эльзу, но та лишь усмехнулась, снова закурила и только после этого сделала свой категоричный вывод, что его, скорее всего и в самом деле разводят.

– Превратили в зверька и гоняют по полосе с препятствиями, – произнесла она спокойно. – И самое фиговое, что в этих твоих гонках уже участвую и я.

– Каким образом? – усомнился Погорел.

– Самым прямым, мой хороший, – заявила Эльза, – деревья рубят, *щепки летят*. У твоей Киры тоже имя почти совпало с именем героини этого романа, сам говорил, и где она теперь? Молчишь, сопли жуешь... Книжку ищи, недотепа, хочу тоже почитать, что там и про меня написано, то есть про ту дрянь, под кого меня сейчас подгоняют. Поехали, чего расселся... Свалился на мою голову, где ты только взялся!

И это было уже его третьим посещением этого чудного места на Таганге. Чего и следовало ожидать, никакого агентства

там уже не было и в помине, иначе, зачем вообще было ему подсовывать это кино со схожим сюжетом. Однако он до последнего надеялся, что все не так криво в его жизни как в том кино, но надежды не оправдались. И запертая дверь была явным тому подтверждением. Все как в кино, только еще хуже, в том кино трупов не было, а вот в его разыгрываемой реальности они уже появились. И если верить средствам массовой информации, он и сам уже был давно покойником. Кто-то за кадром, некто невидимый за гранью реальности вел с ним непонятную игру, стараясь довести его не просто до края, а до самого настоящего помешательства. Клоун с коробкой в офисе и красное платье в метро, дополнились неудачным угоном роскошного авто, смертью друга, прыжком из окна и закрытыми дверьми турагентства, перед которыми он сейчас и стоял, туго соображая, чего, собственно, от него добиваются. Зачем, вообще, понадобился угон дорожущего автомобиля, казавшийся теперь ему таким же бессмысленным и бесполезным, как и полет американцев на луну, не только ли ради того, чтобы еще больше его подставить? Другого ответа не находилось. Они не только не спасли этим безумством Киру, но еще больше усугубили ее положение на миллион долларов к тем пяти сотням тысячам, какие он уже итак должен был внести в бандитскую кассу, сделав ее заложницей своих же собственных амбиций. Крутые парни, которым все по плечу и не такие дела раньше проворачивали, весь Афган на уши ставили, а вот это дельце взяли и запороли.

Утешало, что взыскивать эти полтора лимона было теперь вроде как и не с кого, сам он был «мертв», а о существовании Лапшина вымогатели даже и не подозревали. *Или и это тоже все было частью сумасшедшей игры?* И Иван вовсе не мертв? Чушь! Он тут же отмел эту вздорную мысль. Конечно, в кино и не такое случается, особенно в американских боевиках, но только не в реальной жизни. Иван любил пошутить, но не до смерти же... С другой стороны, мертвым Ивана он не видел, так что можно было предполагать все что угодно. В себя он пришел только уже на набережной. Причем уже не самим собой, а Лапшиным Иваном. Каким Лапшиным? А по паспорту, который якобы нашли в его карманах, но только с испорченной фотографией в документе, по которой узнать Ивана было уже невозможно. Как этот паспорт туда попал, а кто ж его знает, в памяти осталось только кровавое стекло и как пробивали ограждение и, вздымая вверх фонтан брызг, подныривали под волну, после чего сработали подушки безопасности, и стало уже не до наблюдений – вырубило мгновенно!

– Так и будем сидеть в машине перед запертой дверью, ожидая у входа погоды, или все же попробуем ее открыть? – вывела его из задумчивости Эльза.

Погорел опустил стекло и закурил.

– А что, если фильм мне специально подкинули, чтобы я и в самом деле принял все за розыгрыш?

– Типа, подсунули ключик, которым ты и должен будешь открыть крышку следующего ларчика, чтобы еще больше запутаться? – предположила с кривой ухмылкой умная не по годам стервочка.

– Типа этого, – согласился он, – только как бы этот ларчик гробиком не оказался!

– А ты плюнь, не тебя же похитили, – посоветовала она, – вот сами пусть и играют в свои дурацкие игры. Спутай им карты, ты же покойник, искать уж точно никто не будет.

– А Кира?

– А смысл им ее держать в заложницах, если тебя уже нет? Что с трупа возьмешь кроме похорон, в которые самим же придется вкладываться. Сам же говорил, что ты на нее уже даже свою квартиру переписал, вот пусть и пользуются. Дурой не будет, – хмыкнула она, – не грохнут. Если она же сама все это и не подстроила.

– Рот закрой! – возмутился Погорел. – Ты даже не видела человека, а уже несешь про него всякую чушь.

– Сам закрой, кто привел тебя в это агентство, – кивнула она в сторону закрытых дверей, – а потом книжку подсунул в аэропорту и исчез, не она? А у кого ты фильму эту нашел в квартире, у меня?

– А кто сдал меня ментам? – он щелчком отправил окурок сигареты в окно, – Кто подлил мне в водку калофилинчика, не ты?

– Кло... фелинчика, – поправила его злодейка. – Сама

подлила, сама сдала, сама и вытащила! Спасала тебя же для твоей любимой сучки, так что уж я точно не твоя проблема, ОТХЛЫНЬ.

– И деньги тоже не ты вытащила у меня из кармана, что я одолжил в ресторане у друга? В ментовке стащили, понятно.

– Дурак! – вскипела Эльза, тряхнув ровной челкой. – Сам ко мне приперся раны зализывать, а я снова виновата! Я тебя не звала, убирайся к черту, я свое отработала и бесплатно катать тебя больше не собираюсь. С таким же успехом, я могу заявить, что ты сам свою Киру и упрятал с глаз долой! Беременную, чтобы только не жениться на бедняжке, вот... Обрюхатил бабу и в кусты, а теперь ищет ее днем с огнем, вытаращив глазки! Только фиг ты ее уже найдешь закопанную в лесу под елочкой, – показала она ему дулю, – не для того сам и закапывал, чтобы откапывать.

Упреки так и посыпались на его седую голову, как и всевозможные предположения его причастности ко всему этому злодейству.

– Про беременность от кого узнала, уж не от человечка ли в очках? – прищурился Погорел, которому уже второй раз тыкали непонятной беременностью его невесты, о чем сам он ни словом ни духом.

– Сама догадалась. Он как нажрется, твой человечек, так много чего *хорошего* рассказывает, особенно про других. А только я все равно ничего не слышала, свято поклявшись в сохранении тайны исповеди.

– И в чем он тебе еще исповедовался? – спросил Погорел, хотя процентов на девяносто и сам уже знал ответ.

– Что ты собрался жениться на богатенькой дурочке, а здесь нищенка со своим раздутым животиком мешается. Вот ты и отправил ее в бессрочный отпуск. А только и твоя Кира подстраховалась, засняв ваше порно в лесу на всякий случай, если с ней *вдруг что* случится. Вот теперь ты и вертишься, как уж на сковородке, что рыльце в пушку, да еще и своего лучшего дружка в речке утопил!

– А этот чего мне плохого сделал?

– Не знаю, – честно призналась Эльза, – возможно денег дал взаймы на погашение долга, сам же говорил, что тебе полмиллиона надо было, чтобы со всеми своими долгами разобраться. Вот ты и разобрался, теперь ничего и никому отдавать не надо. Ты только не нервничай, я тебя сдавать не буду. Тебя твоя же беременная сама и сдаст, как ты ее освободишь из лап бандитов. Откуда знаю про беременность? Так про это теперь вся Москва знает, какой ты злодей. Твои друзья умеют хранить тайны, особенно на пьяную голову, – ехидно усмехнулась девица, намекая на своего уже почти постоянного клиента, сверкнув в полумраке своей ядовитой ухмылкой. – Не надо было рога наставлять коллеге, сейчас бы и я меньше знала.

– Ох, девонька, – покачал головой Погорел, – не доведет тебя постель до добра, не доведет.

– А ты мне стелил, чтобы упрекать? С кем хочу, с тем

и стелюсь!

– Все сказала?

– Все! – выкрикнула она.

– Тогда поехали, закрытая дверь этого агентства нам все равно ничего больше того, что уже ты мне уже сказала, не скажет.

– Вали, но без меня, – послала она куда подальше своего спутника, махнув ручкой, – я в таксистки не нанималась.

– Пока...

Погорел был уже почти одной ногой на дороге, когда услышал позади себя ее ехидный голосок:

– А только я все же попробовала бы ее открыть, уверена, что дверь даже не заперта, чтобы всю оставшуюся жизнь не упрекать себя в бездействии, если не в трусости. Если это и в самом деле игра, как ты говоришь, то за этой дверью нас обязательно ждет продолжение.

– Меня, – тут же поправил он ее.

– Тебя-тебя... Ты же уверен, что кто-то с тобой играет, но при этом даже не хочешь шевелиться, чтобы хоть как-то в этом убедиться. Или старики все такие ленивые? Дверь закрыта ему, хоть для виду постарайся узнать, что там за ней. Судить будут, хоть какая-то будет отмазка.

– Тьфу, – сплюнул он. – Твой-то какой интерес во всем этом, пойдешь ведь как соучастница незаконного вторжения в чужую собственность.

– Самый прямой, – оскалилась Эльза, – четверть со всех

денег, что ты стащил у своего Ивана, когда все утрясется, плюс...

– Круто.

– А чего мелочиться, – хмыкнула она, – не я к тебе приперлась в гости, а ты ко мне, вот и раскошеливайся, не все же мне одной на шесте вертеться.

– А если не раскошелюсь?

– Сдам в полицию, ты меня знаешь, – подмигнула она ему. – Ты все еще удивлен, почему закрыта дверь? Для видимости, что все естественно, а какая *естественность* при открытой двери.

И в этом дрянная стриптизёрша была права, поэтому и было решено дожидаться темноты и попытаться проникнуть в стан неприятеля через окно первого этажа, до которого свободно можно было добраться при помощи лестницы, которой, естественно, в ее маленькой библике не оказалось, все же не пожарный агрегат. За которой они тут же и отправились в ближайший торговый центр стройматериалов. И вот к часу ночи, когда большая часть населения города уже находилась в постелях, наша парочка снова была на месте своего будущего преступления. С улицы не полезли, чтобы не нарваться на неприятности, решили проникнуть в окно со двора. Могли, конечно, нарваться еще и на сигнализацию, но здраво рассудив, что пустой офис охранять уже никто не будет, решили все же рискнуть и не прогадали. Третье

по счету окно, к которому была приставлена складная лестница, оказалось даже не заперто, через которое они и проникли внутрь. Где, как Погорел и предполагал, не оказалось ничего интересного. Их встретило совершенно пустое пространство, почти готовое уже под очередную сдачу в аренду, протереть только пыль с подоконников, и можно было начинать разводить уже следующих кроликов.

– А ты хотела купаться, – откашлялся он, – вода холодная. Здесь акулы плавали в аквариуме, сделанного из колеса карьерного самосвала, осветил он фонариком место в главном зале офиса, – а здесь, – посветил он на стенку, – висел экран со всевозможными замечательными сюжетами из чужих жизней. Так говоришь, что у них рабочее время закончилось?

– У кого закончилось, а у кого, может быть, только еще начинается, не расстраивайся, – усмехнулась Эльза, – придет время и про твою замечательную жизнь тоже кино снимут, если уже не снимают.

Пустота. Пройдясь по всем дверям в соседние комнаты, но и там тоже ничего кроме одного сломанного стула не обнаружив, они уже собрались покидать темное заведение, жалая о потраченном впустую времени, как вдруг Эльзу приперло в дамскую комнату, что и понятно, не каждый же день воришкой через окна в чужие офисы проникаешь. Из уборной дверь вела еще в одну комнату, девица сначала решила, что в подсобку для веников и швабр, но ошиблась, дверь ве-

ла в совершенно черную комнату, в которую войти конечно было и можно, но вот выйти, про это бабушка еще не сказала. Прямо по центру пугающей черноты, лишь слегка подсвеченной снизу слабым светом, стоял белый столик с черным старым телевизором, на котором черным пятном на белом красовалась пленочная видеокассета с затертой карандашной надписью, как подписывали кассеты в далекие уже девяностые, когда на одну такую кассету записывали по два фильма с гнусавым переводом.

Что и требовалось доказать, обрадовалась находке Эльза, довольно застегивая ширинку на обтягивающих джинсах и выключая фонарик. Выходит, не зря кино недавно смотрели, вникая в подробности актерских приключений, пересматривать не придется, все продолжение уже в жизни...

– Эй, – крикнула она в темноту, – Погорел, чтоб ты сгорел, ходь сюды, здесь для тебя ванну с холодной водой приготовили, вот сейчас и освежишься.

И когда купальщик наконец появился, сердито добавила:

– Тебя разводят, как того кролика. Не знаю, куда ты там мокнул, но сдастся мне, что на этой кассете тебе эта великая тайна немного приоткроется, если, конечно, еще больше не захлопнется крышкой твоего гроба.

– Типун тебе на язык.

– Тебе типун, мне вот думается, что это очередное препятствие для лоха, которое ты должен с честью преодолеть, чтобы очутиться еще глубже в той яме, которую сам же се-

бе и выкопал. Предупреждаю сразу, что за меня выкуп вносить некому, оставляем все как есть на своих местах и делаем ноги, пока крышка еще не захлопнулась. Вставишь кассетку в гнездышко и поминай как звали.

– Тебя никто не держит, – произнес спокойно Погорел, вали... Хотели бы, уже давно бы сцапали. Свет ты включила?

– Неа, – пожалала плечами Эльза, – было...

– Странно.

– Ничего странного, – хмыкнула она, – ты же сам мне сказал, что все это розыгрыш, вот с тобой и грают, прежде, чем прихлопнуть уже по-настоящему. Твоя же краля и развлекается, меня бы обрюхатил и попытался смыться, я бы тебе еще не такое устроила. Только не факт, что она от тебя залетела, есть у меня мыслишка, что твой очкастый друг в том междоуенье тоже побывал.

– Замолчи, чего ты прицепилась-то к ней? – возмутился он. – Ни разу в жизни не видела человека и туда же...

– Ревную, может, – поджала губы злюка, – нельзя?

Старенькая видеодвойка для просмотра кассеты на новеньком столике – телевизор с видеоманитофоном в едином корпусе – прошлый век в моменте настоящем. Устройство всем своим видом так и вопило, чтобы им воспользовались по назначению, что бестолковые людишки и сделали. И в ту же секунду свечение в комнате исчезло, погрузив нашу парочку в полный мрак, тишину которого и разорвал дикий крик...

...прекратившийся также внезапно, как и начался. Старенький ящик задымился, моргнул ярким светом, и крохотной яркой звездочкой в центре экрана приказал всем долго жить, что и послужило сигналом для присутствующих немедленно покинуть помещение. И хотя шок – это всегда по-нашему, в себя ошарашенным таким диким представлением пришлось приходить в себя уже на улице. Правда, кроме ужасного крика и неожиданной темноты никаких других больше сюрпризов не последовало, но и этого *гадства* вполне хватило, чтобы сначала вогнать наглую парочку, проникшую в чужие владения, в ступор, а затем и вовсе выгнать непрошенных гостей вон. Видимо предполагалось, что сердечник и так скончаются от разрыва сердца, ну, а его взбалмошной девке, решившей немного подзаработать на чужом горе, небольшая встряска пойдет только на пользу, чтобы не совалась туда, куда не просят. Эльза так тряслась, прокляв все на свете, что потащилась с этим типом искать на свою задницу приключений, что даже сидя уже в своей машине, еще долго никого вокруг себя не замечала. Что однако не помешало ее товарищу по страшилке попросить подкинуть его еще в одно интересное местечко – за город на Пятницкое шоссе. Была у него идеяка *мокнуть*ся, выражаясь сленгом этой занозы, еще в одно место, но только уже в одиночку.

Он знал, где держат похищенную, вот и решил использовать фактор неожиданности, больше уже не откладывая назавтра то, что надо было сделать еще вчера.

– Прямо ночью и поедем? – уставилась на него ошарашенная девица.

– Можешь не ехать.

– Переночевал бы у меня, – предложила она вдруг, проникшаяся неожиданным сочувствием к этому бедолаге после пережитого, – а утром на свежую голову и займешься своими гадкими делишками.

– Спасибо, не надо...

– Достал, блин, – фыркнула Эльза, рывком трогаясь с места, – поехали.

Но лучше бы она этого не делала, потому что по дороге этому мерзкому типу, затащившему ее в темную комнату, пришла еще одна вздорная мысль, прокатиться в Шереметьево, где он с очередным для себя удивлением узнал, что из этого аэропорта *кукурузники* никогда в жизни не взлетали. Самому было трудно догадаться, обязательно надо было жечь ее бензин, у самого-то было всего три фиги в кармане. Узнал еще, что «Боинг» сгорел пустым, так как на него посадку так и не объявили, и все пассажиры улетели другим рейсом, в списках которого ни он, ни его Кира уже не значились. Впрочем, этих «везунчиков» заранее исключили и из списка пассажиров того рейса, на котором они должны были лететь, но кого это волновало. А еще в здании

аэровокзала он нос к носу столкнулся с той самой капитаншей полиции, с которой ему уже приходилось однажды общаться, которая его даже не вспомнила. И даже после того, как он напомнил ей про кукурузник.

– Какой кукурузник, гражданин? – отшила она настырного приставалу, отстраняя легонько, но уверенно в сторону, чтобы пройти. – Освободите проход, не мешайте работать.

И приставала освободи, начиная даже уже понемногу верить в то, что действительно попал в какую-то *нереальную реальность*, где все вроде бы и то, да только совсем не то. Даже ученые уже стали сходиться во мнениях по поводу тонких миров, что каждого из нас сопровождает тысячи скрытых реальностей, по одной из которых человек и движется, преобладающей над другими. Все это можно сравнить с ездой в поезде, кто-то стрелки впереди перевел и вот ты уже катишь совсем в другом направлении, хотя и все в том же, как тебе кажется, вагоне. Погорел застыл на месте как вкопанный, пораженный своим же собственным открытием. А что, если и грандиозный фонтан брызг от ныряющего «Майбаха» и смерть его друга – все это тоже подстроено, что не было никакой смерти, потому как он только думает, что видел, как Ивана убили, а на самом деле... Уж не нарисовало ли и в самом деле кровь на стекле и ткнувшуюся в руль пробитую в висок голову друга его перекошенное страхом воображение в то самое мгновение, когда машина пробивала ограждение набережной и ныряла в воду? И с чего он взял, что

пуля попала тому в левый висок, с пассажирского сиденья, как бы это было и не видно.

– Чего задумался, – дернула его за руку соседка, – эй... Мы так и будем здесь твой вчерашний день ворошить или поедем дальше? Тебе же ясно сказали, что даже отдаленно похожего на тебя засранца здесь не видели, а если и видели, то в гробу и в белых тапочках, там таких много.

– Ты про свой рисунок? – вспомнил Погорел непонятное творчество вредины. – Не дожدهшься.

И уже на Пятницком шоссе, когда до пункта назначения оставалось совсем ничего, ему подумалось, что все эти ее якобы случайные рисунки не так уж и случайны. совсем неслучайны. И все потому, что и она тоже по самые уши замешана во всем этом. И дернули же его черти заявиться именно к ней, вздохнул тяжело он, представляя себя наступающим второй раз уже на одни и те же грабли. И в первый раз все тоже было неслучайно, хотя он и сам выбрал тот кабак на Тверской. Могли просчитать, что он направится именно туда, бывал там с Кирой, если уж всех подозревать. Назначил встречу Очкарину, который потом и втянул танцовщицу во все это, при условии, что он самый главный злодей. Он же подговорил и Кармен за определенную плату, чтобы та заставила свою подчиненную заявиться к нему с извинениями на следующий день после того, как сама и сдала в полицию. Впрочем, Кармен могла и сама подсуетиться, приревновав к Кире. Когда-то он не очень вежливо расстал-

ся с этой дамой, имевшей на него даже какие-то свои виды, так что вполне реально, что обиженное сердце только и ждало момента, чтобы отомстить. Кто еще мог знать, что он заявиться именно туда? Только он сам... Правда искать самого себя в стогу сена он пока еще не собирался. Столько злодеев было вокруг, что на самого себя как-то рука не поднималась. Мужчина улыбнулся и настроение сразу же улучшилось. Не смотря ни на что, блин...

До АЗС оставалось метров сто, когда он попросил Эльзу остановиться. Красненькая машинка ударила по тормозам и, виляя, задом как та проститутка задницей перед очередным клиентом, стала резко тормозить. Похоже, что езду в другом, более щадящем режиме эта стриптизерша просто себе не представляла.

– Надеюсь, что это все? – взглянула она на него с вызовом, когда ее машинка, стерев почти до литых дисков всю летнюю резину, застыла на месте.

Все, – пассажир открыл дверь, собираясь выходить, – ты свободна. Если не дождешься завтра до шести утра моего контрольного звонка, пожалуйста, сообщи в полицию вот этот адресок, – чиркнул он на пачке сигарет населенный пункт и номер строения, – чтобы они срочно туда наведались, это важно.

– Хорошо, – Эльза равнодушно кивнула, – теперь все?

– Все, – подмигнул он ей, выбираясь, – но от этого будет

зависеть чья-то жизнь. Не сделаешь, и человек умрет.

– И пусть... – процедила она сквозь зубы, тоже выбираясь из машины, – собаке собачья и смерть. Мне кобелей не жалко.

– Не про меня речь, – заметил спокойно он, – может умереть и невинная.

– Все так серьезно? – покачала головой Эльза.

– Более чем... – не стал он вдаваться в подробности.

– А если нет никакого невинного человека? – прищурилась она. – Турагентства нет, кукурузника нет, и где твоя телка – тоже неизвестно, так бывает? Растерял все и вся...

– Осталась тебя еще потерять и жизнь удалась.

– Не хохми, чудовище, – не приняла она его насмешливого тона. – Может ты в своем кукурузнике даже не сидел, раз тебя даже полиция в аэропорту не признала. Погорел, может, следует уже хоть самому себе признаться, что никакого невинного человека нет, что это все плод твоего разыгравшегося воображения, у психов так бывает, что они видят гораздо больше, чем даже могут себе представить. Вот и какие-то картинки тебе у меня привиделись, когда я вообще не знаю, что такое карандаш. А может у тебя раздвоение личности, приятель? С этой стороны головы хорошо, – ткнула она пальцем в его седой висок, – а с другой, бляха, хуже некуда. Заходит один мент ночью в супермаркет и давай мочить всех магазинных монстров, хотя с утра был еще вполне нормальным чувачком. Ты к врачу не ходил? Зря, в твоём

возрасте потерять рассудок можно в одно мгновение. Сначала в порыве любви кружишься с любимой на руках между березок, а через секунду, лупишь ее уже об эти березки головой. Ничего удивительного, у человека две войны за плечами, может всякое померещиться. Если я правильно уяснила весь ход событий с твоих слов, то кукурузник был уже после, как и книжка в салоне у выдуманного таксиста на придуманной машине с несуществующими номерами...

– А сгоревший телевизор в офисе, он мне тоже привиделся? – возмутился Погорел. – Это-то ты не будешь отрицать!

– Зараза передается по воздуху, – кивнула, соглашаясь, Эльза, – с кем поведешься, от того и наберешься. Я уже об этом жалею, что пошла с тобой в то кино.

– А ты сама, девонька, – уставился он на нее, – все это тоже сдвиг моего воспаленного воображения?

Черноволосая утвердительно кивнула.

– Хоть в одном честно призналась, – вздохнул с сожалением Погорел, – я знал, что мы поладим.

– В психушке места всем хватит, – съязвила она. – Звонила Кармен, откуда она узнала, что ты у меня?

– Понятия не имею, – удивился Погорел, – сама бы у нее и спросила.

– Не успела.

– Что так? – спросил он, почувствовав, как перехватило дыхание, и сильная боль пронзила сердце, схватившись за грудь, он тяжело опустился прямо на обочину, неудобно

усевшись прямо возле колеса, используя его вместо спинки. Разлетающиеся в разные стороны искореженные взрывом куски железа перед глазами, в носу запах гари и везде – ощущение смерти. Грудь сдавило так, что дышать вообще стало нечем. Задыхающийся рванул на себе рубашку, опускаясь на переднее сиденье, а девица с вытаращенными глазами тем временем бросилась к багажнику за аптечкой, содержание которой тут же начало разлетаться по нему в разные стороны. Ей только труп еще и не хватало, чтобы засадили за убийство. Девица ругалась так, что даже спустившиеся уже с неба ангелы за новым кандидатом на тот свет были настолько шокированы ее матом, что на какое-то время даже забыли о своих прямых обязанностях прибираться к рукам все, что плохо лежит. И пока бесполое с крылышками приходило в себя от пережитого шока, матерщинница уже нашла таблетки от сердца и бросилась к умирающему.

– Под язык и соси, – приказала она, силой засовывая ему в рот таблетку, – сейчас полегчает.

Говорила и сама уже не верила, уж как-то быстро этот бравый воин сник, развалившись на сиденье, что больше уже смахивал даже уже не на кандидата в покойники, а на самого настоящего покойника, которому таблетки уже не нужны. Но ей повезло, валидол подействовал, и сердце несчастного отпустило, дышать стало легче и ангелы ни с чем убрались восвояси.

– Спасибо, – произнес спасенный, чуть отдышавшись, –

можешь считать, что одну жизнь ты уже спасла. — Ты так ругалась, что я просто не смог просто так тебя отпустить, чтобы не всыпать тебя еще и ремня напоследок. В какой школе так классно учат?

— Вообще-то я почти закончила юрфак, кому он только нужен, — улыбнулась любительница грубого сленга. — И ты так хрипел, что я сама готова была тебя прикончить!

Отдышавшись, вернувшийся к жизни тут же достал из пачки сигарету и закурил, затягиваясь с наслаждением первого вдоха заново родившегося человека. И ведь отлегло...

— Погорел, блин, — девица со злостью вырвала у него изо рта сигарету, сломала ее, обжигаясь, и нервно выкинула в окно, — тебе одного приступа мало, решил меня совсем доконать.

— С каких это пор такая забота?

— С таких, — отвернулась она к окну. — Вали, куда топал! Друга потерял, тебе мало, хочешь и себя потерять, всех растерять по дороге ради той, которая тебя ненавидит.

— Последняя любовь, извини — грустно усмехнулся он. — И потом... ведь это все плод моего перекошенного воображения.

— Везет же сукам, — зло процедила сквозь зубы Эльза. — Вали, сказала, чего расселся... Нет, стой, — схватила она его за руку. — Мы ведь больше не увидимся, верно? Не перебивай, я знаю, ты ведь один отправляешься на разборки с этими

своими теньями, верно? Умирать за ту дрянь, которая, может быть, даже уже тебя и не помнит. С чего ты вообще взял, что ее похитили? Квартиру ей подарил, дурак, так еще и жизнь отдай, с нее станется.

– Ты снова за свое, – возмутился Погорел, – ну сколько можно? Общались гадко, так давай хоть расстанемся по-хорошему.

– Ну да, конечно, кто я такая, дрянь кабацкая, чтобы меня слушать, но только я не ради себя стараюсь на дряхлых стариков не западаю.

– С чего тогда такое участие?

– Может, у меня тоже крыша поехала, – сверкнула она глазами, – инфекция по воздуху передалась. Ты отправишься на войну, а я подожду в машине, когда со своей телкой вернешься, хочется взглянуть, из-за каких баб мужики доводят себя до инфарктов.

– Ты чего прицепилась?

– Сам умрешь, – воскликнула Эльза, – и сучку свою не спасешь! Ему предлагают помощь, а он отказывается. Замечу, что я не папина дочка, что мне уже достаточно лет, чтобы принимать решения самостоятельно. Так вот... я решение приняла, без меня ты никуда не поедешь, сердечник чертов. Бросить умирать одного в темном лесу среди волков, меня так не учили, хоть я тебя и ненавижу.

– И какая от тебя помощь?

– Никакой, зато я валидол нашла! – прохрипела она, за-

кашлявшись. — Ты бы уже покойником был без меня, забыл?

— Помню, — улыбнулся Погорел, с удивлением наблюдающий, как эта вздорная девица, не пожалевшая даже своих ребер для достижения какой-то там своей непонятной цели, размазывает по своему лицу слезы.

— Смерть звать не надо, когда надо, она сама состроит тебе глазки, возьмет косу и употребит ее по назначению. Надо же, — удивилась она и полезла в сумку за салфеткой, — реву как дойная корова, достал, блин, так мы едем или так и будем лясы точить.

— Мы сделаем так, — произнес спокойно Погорел, — от тебя будет больше проку не здесь, а в Москве. Мои проблемы — это мои проблемы. С тебя же лишь звонок, когда понадобится, телефон я тебе записал.

— Сейчас я твоя проблема, — заявила Эльза, — достал уже со своим звонком, никому я звонить не буду.

— И еще какая, — поддакнул он, надеясь на этой хорошей волне и распрощаться с этой врединой.

— Самая большая в жизни, — кивнула она. — Я специально тебе подлила гадости в водку и специально потом сдала ментам, нигде я не заблудилась. И деньги у тебя тоже я вытащила, ты счастлив?

— Более чем...

— Ты все равно бы их пропил, у тебя же было горе.

— А сейчас его нет?

— Ты сам — горе для всех окружающих, Ивана угробил,

Кирку сплавил с глаз долой, Очкарика сделал роконосцем...

– Он тебе и про это рассказал? – удивился Погорел.

– Ему жена в истерике проболталась, – у Эльзы даже настроение поднялось, – что так вовремя вспомнила гадкую новость, – когда та чисто случайно застала меня с ним в постельке. Он же меня к тебе и приставил, котик, и ментам заставил сдать, чтоб потом выступить благодетелем.

– Как это? – Погорел вообще уже ничего не понимал. – Таких совпадений не бывает, не ври. Я сам назначил ему встречу в твоём кабаке, он до этого вечера понятия о тебе не имел.

– Это ты не имел, – рассмеялась девица, – а твой друг меня имел почти с той вашей зимней посиделки с твоей Кирой, когда вы в кино с ней опоздали, правда... Правда тогда я не знала еще, что он тебя знает, впрочем, я и тебя-то два дня как узнала. Чтонибудь еще рассказать?

Мужчина кивнул, стараясь припомнить, как ловко его подвели под встречу именно в этом ресторанчике. Очкарин сказал ему, что будет вечером где-то в этом районе, вот он и клюнул. Что касается девки, так ее просто использовали...

Милый, я тебя люблю

Плохо просыпаться утром одной, но еще хуже – ложиться одной в постель. Поэтому она сегодня всю ночь и не спала. Пила вино, курила электронные сигареты, от которых, со слов табачных конкурентов, бесплодие, таким дурам как

она, обеспечено, да и рак наступает значительно раньше, чем от обычных сигарет. Но, когда детки не нужны, сама еще детка, то все это только в кайф, предохраняться не надо. Всю ночь слушала своего нового милого, как он ей рассказывал о своей тяжелой семейной жизни. Нормальный мужик, она с ним уже три месяца. И вдруг оказалось, что он женатик, у которого все дома, пока он у нее. Она ему про ребенка, а он ей про свою семью; она ему про замужество, а он ей, что давно женат; она ему о своей неземной любви, а он ей в ответ – о жизненной необходимости... аборта. И весь этот диалог сначала в постели, потом на полу, потом за столом на кухне под водку и сраные консервы в томатном соусе на съемной квартирке за его деньги. Вертелась под потолком муха, воняли смятые «бычки» в грязной тарелке. Она изучала свои шикарные ногти, стараясь сломать хоть один, кусая губы и еле сдерживаясь, чтобы не разреветься от этой его *жизненной необходимости*. Только представить, что у этого козла, на которого у нее появились даже виды, было уже два своих ребенка и больная инвалид-жена в придачу. Рогатая калека... Ей так хотелось добавить к его слюням это уточнение, что еле сдержалась, ведь она очень сдержанная девочка, хоть и беременная. Просто ей снова не повезло. Это же надо было нарваться на кормящего бедолагу, еле сводящего концы с концами, но при этом ухитряющегося еще и любовницу содержать. Ясно, что еще и грудничка этот перегруженный не потянет, вот и травила себя сигаретками. «Хочешь,

чтобы я надорвался и умер?» – спрашивал он ее, беря нежно за руку. Отвечала, что не хочет и руку не отдергивала. Ей даже нравились нежные прикосновения этого очкарика. В чем и заключалась вся гадость ее положения. «А как же я, – всхлипывала она, прикидываясь несчастной, – как же мы с Сашенькой?» Она ведь уже даже и имя дала их ребеночку. И не важно, кто это будет, мальчик или девочка, все равно. Ответил, что ровно через год разведется, дает слово, и они поженятся. Сейчас жена развод ему все равно не даст, а вот сделать так, чтобы он вылетел с работы – это в ее силах. А он столько лет шел к этой должности, только-только начал выбиваться в люди, чтобы одним махом все потерять. Всего лишь и осталось, что одного бездельника выжить из конторы, загребающего все сливки и тогда... И даже дал ей слово, что они обязательно полетят следующим летом в Рим. Летом надо отдыхать в Италии. Прозрачная вода, золотые пляжи, все развлечения, что отдохнув всего лишь раз в Италии, люди перестают ездить в другие страны за дешевыми удовольствиями. Человек всегда должен знать, за что он платит. И все это в скором будущем будет ее, если она ему кое в чем поможет. Более того, этот год можно будет сократить до нескольких месяцев. Ну и конечно же она согласилась. А куда ей было деваться, не становиться же, матерью одиночкой в *односчасье*, тем более что она на это не подписывалась. Сделает аборт и поможет... «Ты меня любишь?» – спросила она, представляя себя такой скачущей на жеребце

Шэрон Стоун с ножом для колки льда в нежной ручке, каким она в порыве оргазма расправлялась со своими любовниками, описывая все в своих многочисленных романах, прилично имея еще и на этом. Не сама, а ее героиня из нашумевшего фильма, только что это меняло? Этого гада в очках, ответившего, что любит ее до беспамятства, она бы прикончила и вилкой, которой просто не оказалось под рукой в нужный момент. И поэтому они снова занялись любовью. И она была сверху, как та кровожадная писательница, а ее любовник снизу, не снимающий своих очков даже во время секса, чтобы все держать под контролем, так и заснул. Удовлетворившись... После чего она медленно, чтобы его не разбудить, поднялась с постели и прямо голой прошла на кухню, где и достала из стола кухонный нож, выбрав самый большой. После чего долго еще сидела внизу возле подъезда и смолила, изредка поглядывая на темное окно в съемной квартирке на третьем этаже, за которым в их теплой постельке валялся с перерезанным горлом тот, кого все же надо было заколоть вилкой. Тяжелый понедельник, хмарь. Спешили мимо по своим вечным делам эти, которым всегда и на все плевать.

– И про кого это ты мне здесь рассказала? – спросил Погорел, выслушав очень внимательно почти невыдуманную историю.

– Про твоего Очкрина, – пожалала она плечами, – про кого же еще... Сначала ты со своей появился у нас, потом уже

он. Не догадываешься, как?

– Как?

– Твоя стерва навела, уверена, – заявила Эльза. – И потом стала тебя к нам таскать.

– Чтоб Очкарина было веселей с тобой кувыркаться?

– Чтоб одного дурня развести потом на всю катушку.

– За это ты его бритвой по горлу и в колодец, – сделал вывод Погорел, – спасибо. Фантазировать умеешь, долго придумывала?

– У меня с головой все в порядке, – усмехнулась Эльза. – Не веришь, твое дело... Он сам порезался! Я же всего лишь позвонила жене отличного семьянина с его мобилы, когда он дрых без задних ног. Просыпайся, милый, жена уже в коридоре! Прикатила на коляске и без лифта поднялась на ней на третий этаж. Тогда-то эта рогатая козочка своему козлу все и выложила про твой с ней скороспелый секс на балконе.

– Не на бал...

– Плевать, – скривилась девица. – Ты реагируешь на частности, не улавливая главного. И ментам я тебя сдала по наставлению твоего коллеги, теперь-то уловил главное?

– И сколько он тебе заплатил?

– Прилично, чтобы долго не работать, – усмехнулась Эльза. – Это ты меня дрянью сделал, тебе мало?

– Я?! – ошолбенел Погорел.

– Да, ты! – воскликнула она. – Не трахни ты его блудливую жену, так и мне не пришлось бы всякими гадостями за-

ниматься, подмешивая отраву алкоголику в водку. Вот и получается, милый мой, что за тобой должок. Ты меня во все это втравил, тебе и долги возвращать. А уж как ты там с этим отморозком разберешься, это уж не мое дело. А не разберешься с ним, так я еще на тебя и в суд подам за попытку изнасилования. Той ночью в машине, не помнишь? Я поэтому и сбежала, – скривилась она, – а потом вызвала ментов, потому что самой страшно было уже возвращаться к пьяному маньяку, забравшемуся ко мне в машину с единственной целью, блин, меня изнаси...

– Все сказала?

– Тебе мало, могу и добавить!

– Добавить, что по чьей-то указке свыше затащила меня и в темную комнату со стареньким телевизором, уж очень ты меня туда упорно тащила.

– И за шиворот притащила к себе после побега из ментовки, – рассмеялась она, скосив свои красивые глазки на переносице. – Ты только из меня всесильную злодейку-то не делай, я гипнозами не владею. Сам приперся...

– Сам и убираюсь, – закончил он чужую мысль, открыл дверь, выбрался на дорогу и направился в ночь по своим делам.

– И тебе не хворать, – прокричала она ему вслед. – Только если не разберешься с ним сам, он найдет как с тобой и без меня покончить, чтоб от рожек избавиться. Третьим ты им с Киркой в постельке уж точно не нужен!

Все зло в мире от баб, сплюнул он себе под ноги, закуривая сто первую уже по счету. Не свяжись он полгода назад с Кирой, разве оказался бы он сейчас возле этой чертовой заправки: без работы, без денег, без машины и даже уже без квартиры, но зато все еще со слабой надеждой в кармане, что все обойдется.

Раскачиваются где-то в зазеркалье безликие маски над дымящейся сценой. Безмолвствует мертвой чернотой дотлевающий зал в погорелом театре...

Шел, не оглядываясь, уверенный, что в любом случае все равно кто-нибудь остановится. Он совершенно не боялся нарваться сейчас на тех, к кому, собственно, и направлялся. Уверенность в это вселяло то, что раз официально он числился уже в покойниках, то никому до него и дела больше не было никакого, включая и похитителей Киры. И этот фактор неожиданности надо было использовать! Иван помогал ему даже мертвый. Если же преступники все же знали о его существовании, то ему все равно ничего другого уже не оставалось, как только именно по этому шоссе и двигать прямо к ним в лапы. Вон уже и Эльза вычеркнула его из жизни, что и к лучшему. Живи так, будто ты уже мертв, усмехнулся он, вспомнив первую заповедь самурая. Умирать не придется! Скучает брошенная табуретка на обочине под раскидистым деревом, забытая продавщицей стеклянных баночек с закрытыми огурчиками, помидорчиками и прочими вкусностями, коих к осени всегда избытке появляется на доро-

гах. Присесть бы, отдохнуть и хоть попробовать разобраться в своих делах-делишках, но куда там, мы же не можем останавливаться на достигнутом. Ножка табуретки в сильной руке, и вот дорожная мебель уже с треском разлетается о ствол дерева. Молча провожают в последний путь своего собрата пустые стулья в раскуроченном зале. А ведь мог бы жить, если бы не этот... У которого мысли сейчас вертелись лишь только вокруг того, что его некогда закадычный Борис, уютно устроившийся уже в его директорском кресле, и в самом деле снюхался за его спиной с Кирой? Ох уж эта Эльза, таки смогла зацепить за живое. Боря, кстати, и сам не скрывал, что Кира ему нравилась. Он вспомнил похотливый взгляд друга, каким тот всегда провожал ее при встрече в офисе. Сначала завистник и рогоносец сдал его, что он на спор стал за ней приударять, а потом и вовсе оказался у нее в постели. Вот и придумали, как избавиться от третьего лишнего. Умно... Становится ясно, как он просчитал и тот ресторанчик на Тверской, где влюбленная парочка любила бывать, Кира и подсказала, когда голубки планировали свое это мероприятие по устранению лишнего. Было несложно просчитать, куда он отправится после исчезновения любимой. Наведался туда заранее и завел шуры-муры с танцовщицей. Как в мире все взаимосвязано, вздохнул ночной путник, ужаснувшийся сам своей логике. Выходит, что Кира с самого начала была замешана во всем этом, не повезло табуретке. Ерунда, тут же отправил он все свои логические

выкладки в помойку. Непонятно, чего на нее взъелась эта Эльза, но лучше от всех этих подозрений держаться подальше, иначе последствия не предсказуемы. Подозрению только дай волю, тут же всех подозреваемых приговорит к расстрелу. Так и решил, что касаться больше этой темы не будет, вычеркнув навсегда безобразную Эльзу из памяти, и на душе сразу же стало легче. Девушка просто приревновала к ней своего очкарика, вдолбившая себе в голову, что Кира с ним спит, вот и все. Или уверена на все сто, что они любовники? Увидела случайно парочку где на улице или в том же кафе, проследила и узнала, где те свили гнездышко, после чего и сдала муженька его женушке. Новая волна подозрений снова захлестнула Погорела. Зачем сама подставилась, могла ведь подставить любимого, когда тот был с другой, чтоб одним выстрелом двух зайцев? Затем, сплюнул он в сердцах себе под ноги. Этих баб разве поймешь...

Пролетали мимо легковушки, проезжали тяжелые фуры, солидно урча, пронесся мимо на бешеной скорости «Феррари». А через пять минут возле него притормозил какой-то байкер во всем кожаном, бросил под ноги бумажный пакет и, сорвав задним колесом, гравий с обочины, стремительно умчался прочь. Вот тебе и покойник, вот тебе и спрятался от всех под водой, усмехнулся Погорел, ясно в очередной раз понимая, что все время находится у кого-то невидимого под постоянным наблюдением, даже и не думающего это-

го уже скрывать. Валяется бумажный пакет из Макдональдса под ногами. В пакете дребезжащий телефон без определителя номера, который и заставил повернуть его в обратную сторону. Все произошло очень быстро и даже как-то обыденно.

Маска одинокого мстителя срывается с веревки и падает на черную сцену. Балаклава с прорезями для глаз кому-то теперь больше к лицу...

Солдатику приказали, солдатик отдал честь и развернул оглобли в обратную сторону. Как его так быстро вычислили после неудавшегося угона «Майбаха», история об этом умалчивает, не убили, уже хорошо. И даже в двух словах толково объяснили, что теперь он должен еще и за утопленную роскошь, чтоб любимая не сдохла.

– Что мне надо сделать, чтобы этого не случилось? – прохрипел несчастный в трубку, рискуя смять ее в пальцах.

– Лечь в гроб вместо нее, – отозвалось в трубке спокойно. – Но только тогда, когда тебе это разрешат.

Снайпер передёрнул затвор винтовки и загнал патрон в патронник. Вот и всё, подумал он, взглянув на часы. Осталось только внимательно прицелиться и выстрелить. Солдатику дадут команду, когда и в кого; болванчик выстрелит и все сразу же станет на свои места. *Виновник будет наказан!* Думать не надо, за тебя уже давно все продумали, загнав в эту дьявольскую ловушку – в черную комнату с белым столиком. Это же надо было так попасться, недоумевал стрелок, тарашась в прицел. Не успел он появиться у этой стриптизерши после побега из полиции, как она тут же и отправилась с ее помощью в темную комнату с сюрпризным телевизором. Умно, ничего не скажешь. Понесли же его черти прямо к той, которая уже один разок его сдавала, захотелось еще... И почему он решил, стрелок перевернулся на бок и прикрыл уставшие глаза, что на той кассете насильовали именно Киру, узнал по крику, по фигуре и по лицу, по растрепанным волосам и рединке на любимой попе? Второй же раз посмотреть уже не удалось, телик вспыхнул и сгорел синим пламенем вместе с кассетой. Впрочем, не вышло посмотреть и в первый, вздохнул стрелок. Что случилось потом, то об этом лучше вообще не вспоминать. Воспоминания реальности не меняют, они лишь будоражат прошлое, делая еще невыносимее настоящее, то самое настоящее, которого по большому

счёту у него уже не было. Если же не нажмет сейчас еще и на спусковой крючок, то распрощается вообще со всем. Бог располагает, не человек... И расположил он звезды над головой этого типа с винтовкой так, что хуже некуда. В котле бы варился, и то легче было бы, чем сейчас, когда даже пуля в собственный висок положения уже не спасала. Стрелок снова улегся на живот и в очередной раз принялся настраивать прицел. Вот теперь хорошо, решил он, когда все в очередной раз было готово. Отлично все видно и даже в глазах не рябит. Один выстрел и все. До такой степени все теперь в его жизни было просто и банально, цель даже пикнуть не успеет, как он уже решит все свои проблемы. *Корчится от смеха вязанная маска на гнилой веревочке...* Куда лучше целиться, в лоб или всё-таки в сердце, чтобы при падении цель не так сильно ушибла себе коленку? В лоб, решает стрелок. При отсутствии навыка можно и промазать. Отвернет цель голову в сторону и все, дура-пуля уложит идущего следом. Поэтому метить надо в сердце, чтобы наверняка. Час ночи...

Убийцу и жертву разделяло всего каких-то сто метров и кирпичная стена ночного заведения, заполненного красивыми, знающими себе цену дамами и элегантными, уверенными в своих финансовых возможностях, господами. Избранные пили дорогие вина, курили дорогие сигареты, мило улыбались друг другу своими фальшивыми улыбками, де-

монстрируя такие же фальшиво-идеальные зубы. Маски бездушия в отвратительном мире лицемерия. О делах старались не говорить. Мужчины предпочитали трепаться о футболе и немного о политике, старательно избегая острых тем и конкретных высказываний в адрес того или иного политического типа. Неизвестно, с кем судьба сведет уже завтра, так вот, чтобы не кусать минувшее «сегодня», предпочитали общие фразы. То же касалось и бриллиантовых дам, блиставших больше своими драгоценными камнями, влиятельными супругами и нарядами, чем мозгами. За редким исключением... К примеру, Жириновский вообще свою жену никогда не показывал, правда, он и сам здесь никогда не появлялся, но это уже детали, к данному клубу никакого отношения не имеющие. При этом всего пара якобы случайно оброненных фраз в нужное время и нужным людям, и завтра уже подписывались миллионные контракты. Все самые важные дела решаются, как правило, не за столами переговоров, где бумаги только подписываются, а на поле для гольфа да на таких вот «скромных» вечеринках, куда даже с мешком денег, но без соответствующих рекомендаций и связей попасть практически невозможно.

Кэт пристроилась возле стойки и заказала себе виски со льдом. Альберт где-то через свои связи раздобыл два пригласительных билета в этот закрытый клуб на «Ночных Снайперов», выступление которых откладывалось на неопределенное время. Кэт понятия не имела

о этой группе, поэтому это известие пропустила мимо ушей, здесь и без «снайперов» было чем себя занять выше крыши. Во всяком случае, часа на два ее хватит, решила она, а во втором часу она отправится домой и никакой снайпер ее уже не остановит. Ей здесь нравилось, всё устроено было чинно и спокойно, как и подобало в настоящем клубе новоявленных аристократов. Сделав глоток спиртного и прикурив сигарету, она принялась в который уже раз за вечер рассматривать местную публику, бесцельно блуждая взглядом по яркому, залитому электрическим светом, залу. С лицом от известной русской актрисы, ей даже пришлось воспользоваться темными очками, чтобы не быть «узнанной», и какое-то время это ее даже спасало. Ее спутник куда-то исчез, оставив ее на какого-то знаменитого актера не первой свежести еще из советских времен. Старичок, пыхтя сигарой, рассказывал ей про трудности своего бытия, что у актёров, певцов и манекенщиц вообще самая трудная работа в мире, высасывающая все соки и забирающая все время и все силы. Не верит, может взглянуть на него...

– Действительно, без слез и не глянешь, – ляпнула она, думающая лишь о том, как бы сделаться невидимкой, чтобы от нее отстали, смотрела на местную знаменитость и никак не могла вспомнить с высоты своего голливудского положения, в каком же фильме этот дряхлый старичок снимался. Бедный народный артист, как ей было сейчас его жалко, хуже нет, когда тебя вот так вспоминают, то есть пытаются вспом-

нить, а фиг...

– Я народный артист и лауреат государственной премии за роль вождя мирового пролетариата, – задребезжал нижней губой обиженный старичок, – А напомните мне, будьте добры, милочка, в каком фильме снимались вы? Уж больно-слицо знакомо-с, а не припомню-с? Не сочтите за...

– Сыграла Инессу Арманд в той же картине, забыли? – подмигнула ему Кэт. – Сцена в шалаше, вспоминайте, когда я и так и этак, а у вождя все никак, одна революция в голове.

И пустой разговор прекратился как-то сам собой. Заслуженный старичок не перенес такого пренебрежительного отношения к своей персоне и всему великому и оставил в покое блудливую собеседницу, унося в ладошках и свою обиду на всех этих молодых да ранних, которым только секс в шалашах и подавай. Поэтому мир и погрузился в такую вакханалию, шмыгал он носом, шаркая ногами по блестящему полу, что не осталось у людей ничего святого. Однако, не успел отойти один, как тут же подрулил другой, представившийся журналистом Нервовозовым, тут же попытавшийся втянуть ее в «международный конфликт».

– Как вы относитесь к русскому присутствию в Сирии? – задал он свой вопрос, надеясь на откровенность.

– Никак, – последовал скучный ответ. – Вам тоже про шалаш рассказать?

– Вы американка? – журналиста встречные вопросы не интересовали.

– Почти, я русская по корням, как мне сказали.

– Так вот откуда такой отличный русский, вы разговариваете почти без акцента, для иностранцев это редкость даже с хорошими местными корнями.

– Это после того, как головой недавно об дерево стукнулась – «похвасталась» Кэт. – Вот русский и вспомнила, зато почти забыла английский, да он в этой стране и не нужен.

– И поэтому вы здесь, что у вас хорошие русские корни и плохая американская память?

– Бизнес, понимаете ли, – добавила она, – мне нравится здесь бывать. Москва – деловой город, здесь можно хорошо заработать. И знаете, у меня такое ощущение, что в прошлой жизни я жила именно здесь.

– В прошлой жизни, это до аварии, когда вас стукнули по голове? – продолжил он дальше свой допрос

– Понятия не имею.

– В Москве надо быть очень осторожной на дороге, – посоветовал журналист, – неизвестно с кем можно встретиться, сделают виноватой, не заметите. Остерегайтесь больших черных машин, не переваривающих красную мелкоту, надеюсь, у вас была машинка другого цвета?

– Не помню, – отозвалась нехотя Кэт.

Про аварию на Волгоградке не слышали в районе пересечения с Ташкентской?

– Давайте сменим тему, – попросила вежливо она, пока еще вежливо.

– Молодая пара врезалась в столб и заживо сгорела, только венок на столбе и остался от двух жизней.

– Какой ужас, – вздохнула наигранно Кэт. – Вы решили меня доконать?

– Двери заклинило... а тот гад, что их подрезал, только его и видели. Проклятый перекресток. При строительстве проспекта снесли церковь, вот люди и бьются на святом месте. Вас спасло, что вы неслись в авто с откинутым верхом, верно?

– Я вас знаю? – уставилась на него Кэт.

– Не имеет значения, – отмахнулся журналист, – главное, что все теперь знают вас. Вы сами вели машину?

– К сожалению, – кивнула она, понимая, что этот Нервов от нее уже не отвяжется, пока не выудит из нее все, что ему требуется.

– И не справились с управлением, в результате чего погиб человек, верно?

– Человек в коме, он...

– А вы в курсе, – ответа человек не услышал, – что очень похожи на нашу актрису, которую несколько дней не могут найти днем с огнем.

– В курсе, что похожа, – уклончиво ответила Кэт.

– Похожа или она сама и есть? Вживаетесь в роль миллиардерши, выдавая себя за американку с хорошим русским. Скажите, английский у вас так же хорош или вы его напрочь забыли после аварии?

Вместо ответа Кэт поманила симпатичного пристава к себе пальчиком и очень тихонечко, чтобы не услышал больше никто посторонний из окружающих, послала наглеца на три самые веселенькие буквы в мире. В глаза не смотрела, была занята уже другим... Появился наконец слегка уже навеселе Альберт, будто специально поджидающий, когда очередное действующее лицо освободит место на сцене уже для более значимой фигуры.

Ножнички в воздухе – чик, и вот еще две эпизодические маски уже валяются под ногами главных действующих лиц, даже пока не догадывающихся, что давно уже стали принадлежностью сцены. Гуляет сквозняк в пустом зале невидимого театра, разгоня дым с тлеющего пепелища в ожидании продолжения. Отсчитывает чья-то жизнь последние секунды до занавеса...

Появился и тут же сообщил, что к сожалению Арбениной не будет, которая должна была выступать в первой части культурной программы, что-то у нее там не срослось по дороге. Кэт равнодушно кивнула, с кем не бывает...

– Вместо нее выступит какой-то иллюзионист со своим эксклюзивным номером, – продолжил Альберт, – который должен был выступать в самом конце, мастер перевоплощения и прочих неожиданностей, как заявлено в программке, русский Коперфилд и автор единственного романа, по которо-

му вроде как даже собирались снимать кино. Вагон, конечно, этот фокусник спрятать не сможет, но обещает, что будет тоже интересно.

– И почему же не сняли?

– Об этом история умалчивает, – пожал плечами Альберт. – Получил отворот поворот от одной юной актрисочки в самом начале своей карьеры и отказался от съемок. Много пил и даже лечился в психушке какое-то время, после того, как не удалось сгореть в сарае, который сам же и поджег. Хотел исчезнуть таким способом вообще, разрисовал странными картинками комнату в одном домике и свалил. Но его быстро поймали и упекли куда следует.

– И зачем ты мне все рассказываешь? – взглянула на него Кэт.

– Пересказываю, – уточнил рассказчик, – что самому здесь красавицы уже рассказали. Они прям с ума посходили, так хотят этого психа увидеть.

– Завалило всю съемочную группу вместе с режиссером, – бесцеремонно вмешался в их разговор, судя по всему – товарищ из богемы, весь такой в темных очках от Армани, рваных джинсах от Версаче и торчащими в разные стороны сальными волосами от самого себя. К тому же еще и с запашком. – Приношу извинение за вторжение, молодые люди. В свое время об этом много писали, съемки фильма велись в столичном метро на одной заброшенных еще со сталинских времен веток, сам лично снимал, трудясь операто-

ром. Под Москвой, для сведения, существует еще одно метро, построенное для военных целей, куда по сюжету должна была попасть героиня в результате секретного военного эксперимента. Завал разгребали два дня, спасли не всех... И режа, правда, уpekли в психушку. Но этот, кто будет выступать сегодня, к счастью никакого отношения к тем событиям не имеет. Реж в психушке и умер.

Неизвестно почему, но Кэт с первого взгляда невзлюбила этого оператора со стеклянным взглядом. Показалось ли ей или на самом деле один глаз был у того стеклянным, благоприятного впечатления это не производило. Заявиться в приличное общество в таком жутком виде: с вонючей головой и в рваных штанах, да еще и в разбитой обуви со стоптанными каблуками на босые ноги. Будто только что оторвался от своей печатной машинки или еще чего-то там творческого, вышел на лестничную клетку перекурить очередной абзац и оказался в ночном клубе. У творческих так бывает, только, причем здесь она, чтобы терпеть всю эту гадость.

– И кто же не спасся? – любопытствовал Альберт.

– Спасли всех кроме главной героини, в чем вся и фишка.

– И в чем же фишка? – продолжал допытываться любопытный.

– Фишка в том, что ваша дама, любезный, очень похожа на ту юную покойницу, хоть и стала старше на целых тринадцать лет.

И это было последнее, что услышала парочка от незнакомца, исчезнувшего так же неожиданно, смешавшись с остальными в зале, как и появившегося, не оставив после себя и следа, кроме отвратительного запаха. И был ли вообще этот след?

– Давай уйдем, – попросила Кэт, – что-то голова разболелась. Мне одного своего злключения вполне достаточно, чтобы наслаждаться еще и этими дешевыми разводами.

– Не волнуйся, – постарался успокоить ее Альберт, – все это сотрясение воздуха, не более, надо же чем-то публику развлекать, чтобы вечерок скучным не казался, вот владельцы клуба и стараются, приглашая подобных типов, чтобы те нас веселили, втягивая в действо и делая участниками представления. Здорово придумано, согласись...

– Узнать, что я уже тринадцать лет как покойница?

– Каждый зарабатывает на жизнь, как может, – пожал плечами Альберт, – не бери в голову, чувак поплыл от твоей маски, приняв ее за живое лицо, вот в мозгах и всколыхнулось.

– И почему ты выбрал именно эту маску, чтобы скрыть мое уродство? – не отставала Кэт.

– Что было, то и выбрал.

– Так, может быть, я и не похожа на нее вовсе?

– Все может быть, – уклонился от ответа Альберт.

– Ты мне показывал мое фото в интернете...

– Это не твое, – признался загнанный в угол, – а фото этой

актрисы из какого-то фильма.

– Но зачем?! – воскликнула Кэт.

– А ты хотела бы узнать, пережив такое, что вовсе и не красавица, ты этого хотела? Для тебя же старался, чтобы больше никаких травм, а когда мне маску привезли, то вопрос отпал сам собой, какой быть твоей внешности, как бы тебе ходилось с чужим лицом? А так все нормально, с шоком ты справилась, постепенно можно узнавать и все оставшееся.

– Я была очень страшной, да? – чуть не плакала уже Кэт. – Но как я тогда снималась в рекламе, все твои сказки?

– Не было никакой рекламы, прости, – вздохнул тяжело Альберт. – Я тебе рассказал историю из одного захудалого романчика, надо же мне было как-то возвращать тебя к жизни.

– Сволочь! – воскликнула Кэт. – И все остальное про мои миллиарды, все это тоже выдумка сдвинутого на голову красавчика?

– Уж прости, – усмехнулся Альберт, – понятия не имею, кто ты такая на самом деле, может даже и исчезнувшая актриса, прав этот журналюга, но согласись, мы классно разведали этих америкашек с твоей помощью на солидные бабки. Кстати о птичках, двадцать лимонов доляров сегодня упали к нам на счет. Разве ты бы провернула подобное и уболтала Америку сотворить такое, если бы не была сама уверенна, что ты именно та, за кого себя и выдаешь.

– А где сама эта «та», за кого я себя выдаю?

– Да фиг ее знает, – улыбнулся Альберт, – тебе это интересно? Ты за несколько дней своими стараниями заработала миллион долларов, радуйся. Снимем завтра с тебя маску, и ищи ветра в поле. Миром правит гадость, пакость и стяжательство, включи телевизор и смотри. Соловей на своем свисте имеет 67 миллионов рублей в месяц, Кисель двадцатку, за просто так такие деньги не платят. Времена меняются, а людишки остаются все теми же потребителями денег и зрелищ, так что расслабься и получай удовольствие. Будем считать, что твоя миссия закончилась и жизнь удалась, так не порти ее другим. И не пялься на меня, как Ленин на буржуазию, мы одинаковы замазаны, не вздумай начать творить глупости.

– Я хочу домой, – прошептала Кэт, – мне не нужен твой миллион.

– Потерпи малость, солнышко, мне обещали, что будет интересно. Клуб славится организацией встреч с интересными личностями, чем и живет, – пояснил он. – Слышал от завсегдатаев, что здесь театр не только на сцене, но и вокруг. Посетитель клуба втягивается в театрализованное действие прямо с вешалки.

– Сама вижу, что здесь ничего стоящего, одни дешевые декорации и разводы.

– За все время было всего пару случаев перебора, – улыбнулся Альберт, – когда у одной известной телеведущей нашли в сумочке кокс, та чуть от инфаркта не умерла, дока-

зывая свою девичью невинность в сорок лет. Когда жизнь у некоторых баб только еще начинается в этом младенческом возрасте, у этой она чуть не закончилась. И еще один тип стал импотентом, попав под раздачу. Под розыгрыш, – пояснил он, уловив в ее взгляде явное непонимание. – Розыгрывают кого-то из присутствующих, а остальные все пишут кипятком от смеха.

– Сегодня здесь разыгрывают меня? – взглянула на него с надеждой Кэт, неуверенная уже ни в чем, даже в собственном имени.

– Одного беднягу продержали голым на цепи в салоне красоты пару суток, – пропустил он мимо ушей ее вопрос, – предоставив любоваться через замочную скважину за похождениями своей любимой в свое отсутствие. Столько хорошего узнал о ней и о себе, о своих друзьях и знакомых, которых она обслуживала, что интерес к сексу пропал сам собой.

– Смотри сам не попади в историю, – позлорадствовала Кэт, – чтобы интерес тоже не пропал. Не вижу ничего смешного в издевательствах, хочу домой.

– Да как только так сразу, – Альберт ловко смахнул фужер с игристым вином с подноса проплывающего мимо молодого человека в маске бобра и расшитом золотом камзоле. Сновали здесь подобные, предлагая всякие вкусности. – Посмотрим спектакль и поедем, милая, до утра уж точно торчать здесь не будем. Или тебе совершенно плевать на про-

должение представления с собой в главной роли? Да, кстати, совсем вспомнил... Тип, что якобы тебя якобы подрезал на дороге, совершенно уже мертв, утонул в речке.

– Как? – спросила Кэт, оставшись при этом совершенно равнодушной к чужому несчастью. Со своими бы горестями разобраться. Возомнить себя миллиардершей лишь по тем рассказам, что ей о ней же и рассказали. Это же надо было быть такой идиоткой.

– Просто, – усмехнулся криво Альберт, – как все в этом мире тонут, не справился с управлением.

Пьяненькая дамочка с зелеными жиденькими волосиками и в красном просвечивающемся платице, праздно шатающаяся по залу, была следующей на этой вечеринке, с кем Кэт еще повезло пообщаться в ожидании представления.

– Эля, – девица протянула ей свою изящную ручку в черной перчатке по локоть, и тут же добавила, что она не с хутора сюда заявила, а с Рублевки. Кэт от души за нее порадовалась, а потом попросила уточнить, где это?

– В Выползово, – фыркнула недовольно новая знакомая, – сама-то откуда?

– Не знаю, – пожала плечами Кэт. – Не обижайтесь, у меня с памятью проблема. Минуту назад думала, что из Америки, а теперь уже и сама не знаю, то же, наверное, из Выползова.

– Все мы оттуда, – скривилась дамочка. – Пришла кого закадрить? Пустой номер, на твою искусственную моську ни-

кто здесь не клюнет. Старый и слепой не разберет, а молодые и ранние давно уже гомики или с часами на полшестого, им тоже не до твоего маскарада. Знаешь, а я сразу доперла, что ты – клиника, как тебе вообще в голову пришло нацепить на морду эту искусственную хрень? Точь в точь – актриса! Слышь, я клюнула, честно, – расширила она глаза, – я на тебя запала. Валим с этой помойки, знаю местечко, где оторвемся в постельке.

– Я не одна...

– Да плюнь ты на него, видела я твоего гуся и раньше, ни одной юбки не пропускает. Двигаем, я тебе свой сюрпризик покажу, а ты мне свой.

Кэт покачала отрицательно головой, желая лишь одного, чтобы ее оставили в покое, сюрпризов и так уже хватало за вечер, чтобы самой гоняться еще и за другими.

– Что в рот воды набрала? – усмехнулась зелененькая, выискивая взглядом, куда бы ей поставить пустой фужер, чтобы раздавить, поставила на пол и тут же со стеклянным хрустом его своим каблучком и раздавила. – Ладно, не хочешь, не бренчи, балалаек хватает. Только потом не плачься, что тебя не предупреждали.

– Вы это о чем? – опешила Кэт, с ужасом ожидая очередной неприятности. Мошенницей ее уже сделали, теперь собирались сделать лесбиянкой, замечательно! «Здесь сцена везде, выбирают кого-то одного и начинают издевательство», – вспомнила она недавние слова Альберта. Сегодня

эти сволочи выбрали ее!

– Валить тебе надо, вот о чем! – зло прошипела ей на ухо экстравагантная лесбиянка. – Много узнала про себя хорошего, а скоро еще больше узнаешь. Идем, – потащила она ее за руку, – выведу. Я все слышала все, что тебе рассказали, добром для тебя это не кончится.

– Да пошла ты, – вырвалась Кэт, – я в ваши игры не играю!

– Так уж и не играешь? – рассмеялась зеленоволосая девица. – А чего тогда сюда приперлась?

– Просто, – не нашла, что ответить несчастная.

– Просто мухи плодятся, а тебя привели сюда совсем не просто. Ну да дело твое, ты свой шанс на спасение все равно уже упустила.

И это было ее самой большой ошибкой в этот вечер. Пойди Кэт с незнакомкой и чей-то чужой сценарий с ее участием был бы нарушен, если, конечно, не было предусмотрено никаких действий на подобный случай импровизации от выбившихся из-под контроля участников, и все сложилось бы тогда по-другому, не как в том романчике с заднего сиденья такси, о котором она даже понятия не имела в отличие от других участников разыгрывающегося действия. Не пошла, отказалась покинуть заведение с этой стремной девицей. Благодаря чему и оказалась в том мрачном зале с низенькой сценкой и белыми столиками для зрителей с черными бутылками вина и такими же черными фужерами, за одним из которых было предусмотрено местечко и для нее,

растерянной и не понимающей, вообще, что за хрень здесь творится. Кроме одного, что эта зелененькая сучка со своими красно-зелеными попугайскими перьями тоже из этого театра местного абсурда, нагоняющего здесь на всех страху, как и тот одноглазый в рваных штанах и с грязными волосами. А что, если и Альберт тоже с ними? Кэт серьезно стала обдумывать и его участие во всем этом. Подставил сначала с аварией, подстроив ситуацию на дороге, что она не справилась с управлением, потом втянул обманным путем в махинацию с американскими миллионами и теперь разыгрывает третье действие спектакля, в котором она непременно должна умереть. Не делиться же в самом деле непойми с кем миллионом в валюте. Баба с возу – коню легче! Да и заложить может, если припрет, а ему еще успешный бизнес в этой стране строить. А так – подобрал на дороге обеспамятевшую телку и используй ее в свое удовольствие до ее летального исхода. Никто и искать не будет, да и как, когда она даже сама не знает, кто есть такая. Самой бы себя хотя бы для начала найти. И эта последняя мысль была страшнее всего, ведь она снова про себя ничего не знала. Американка, блин, твою на фиг! Все бы так от удара по башке миллиардерами и становились.

– И не говори, – улыбнулась ей стройная дама в черном, будто прочтя ее мысли, лицо которой было скрыто черной вуалью, скользнувшая мимо тенью и растворившаяся среди многочисленных посетителей клуба.

Редкие зрители слабенькими хлопками приветствовали появление на сцене главного действующего лица вечеринки. Кэт уселась за столик в слабой надежде, что хуже того, что она только что про себя узнала, все равно не случится, можно и посмотреть, что эти выродки еще для нее приготовили. И чтобы больше не думалось, что она – это не она, Кэт выпила почти залпом целый фужер, устало прикрыла глаза и позволила себе плыть по течению. Если не знаешь как поступить, поступай естественно, вспомнила она одно золотое правило. Деваться все равно некуда. Вообще-то грех было жаловаться, могла и вовсе не очнуться или могла очнуться каким огрызком без рук и без ног, а так только слегка личиком обезобразилась и волосы спалила, которые в скором времени отрастут, было бы из-за чего расстраиваться в самом деле, еще и миллион заработала. А то, что ушибленной головой немного раздружилась с прошлым, потеряв себя на какое-то время в настоящем, так и это все поправимо. Она уже многое вспомнила, к примеру, что... Черт, где бы только взять этот романчик, чтобы побольше про себя прочесть, усмехнулась она. Смотришь, и втянулась бы в роль. Может и врет все этот Альберт, постаралась успокоить она себя. Ночь закончится и все снова станет на свои места, она сдерет с себя эту чертову маску, увидит свое лицо и все вспомнит.

Пусть даже безобразное и искалеченное, но свое, а не этой киношной дивы с рекламного щита, на которую она, как выяснилось, даже не похожа. И как вообще она могла поверить, что миллиардерша и при этом ни в зуб ногой в строительном бизнесе. Хотя... судя по тому, как она легко разбиралась с текущими делами, ей все же это было знакомо. Все наладится, утешала она себя, созерцая пустой стол, на который хоть бы спиртного поставили для приличия, а не этот компот для благородных девиц, с каким бы удовольствием она сейчас нажралась. Жутко конечно, когда все с чистого листа, но выбирать не приходилось. Валялась бы сейчас в клинике, себя вспоминая, усмехнулась Кэт, не появившись так вовремя в ее палате этот красавчик. Теперь она общается с приличными людьми, вникает заново в бизнес и даже посещает ночные клубы, плохо? Всего один удар лбом о лобовое стекло и вот она уже миллионерша! Многие бы мечтали оказаться на ее месте, но повезло почему-то лишь ей.

В зале тем временем людей заметно прибавилось, слышались первые хлопки. Публика требовала продолжение банкета. Творческие люди любят, чтобы их подгоняли хлопками, как же без этого. Выступающий появился, когда некоторые, устав хлопать, стали недовольно покидать свои насиженные места в поисках более стоящих развлечений, чем сотрясание пустоты своими золотыми ладошками. Уж не этот ли иллюзионист тот самый романчик и накропал, прикидывала Кэт, внимательно рассматривая появившегося

на сцене, по которому она сейчас и живет? Если бы это было не так, то никто бы специально не вводил ее в курс дела, специально в уши ввели, чтоб и ей тоже было интересно. Кэт с улыбкой дала волю своей фантазии, перестав воспринимать серьезно вообще все происходящее. Как ее повесят в конце представления – вверх ногами или просто вниз головой, прикинула она, вином отравят, если уже не отравили, или позволят все же покинуть заведение и уже где-нибудь там на темной улице наемный убийца ей ножом вспорет живот? Маэстро накропал роман и закопал где-то в тоннеле якобы свою любимую, вспомнила она слова подсадной утки. Попахивало дешевкой и бездарностью постановки с участием всех собравшихся в зале, чтоб только себя зрителями не чувствовали, а каждый из зала лелеял надежду, что именно он и будет главным действующим лицом. Интересно, прыснула она, сделав глоток, а что наплели тому пожилому артисту, что к ней подходил, какую дрянную историю организаторы придумали для него, чтоб подвесить беднягу вверх ногами?

Вполне себе самодовольный в непонятном костюмчике от черта, надо признаться, на Кэт он произвел не самое худшее впечатление. Яркий луч света выхватил из черноты сначала белое лицо-маску появившегося, и только когда все наконец уgomонились, прожектор явил зрителям всю его сухую фигуру в черном фраке со зловещей повязкой на левом глазу. Щелчок пальцами и сцена вокруг главного действующего

лица оживилась появлением в тусклом свете подвешенных за невидимые нити всевозможных театральных масок. Одни маски рыдали, другие смеялись, третьи невозмутимо пялились своими пустыми глазницами в притихший зал. *Высходящая...* Уж не он ли к ней в зале и подгрребал, мелькнула мысль. Тот ведь тоже был одноглазым. Бред! Тот был грязный и лохматый, а этот – весь так и лоснящийся в своем благополучие, лысый, противный и ухоженный. Скинул в примерной обличье бродяги и явился всем во всем блеске своего успеха. Представление и в самом деле обещало быть интересным. Блеклая подсветка сцены с более чем тоскливым музыкальным сопровождением как нельзя лучше указывали публике на то, что ее и в самом деле впереди ждет много жуткого и до гробовой доски завораживающего.

Женщина прикрыла рот ладонью и зевнула. Не цепляло. Ей все больше и больше думалось про мягкую постель в своем уютном номере в центре Москвы и о рюмке спасительной водки. Кем-кем, а актрисой она точно никогда не была, хоть и пряталась сейчас за ее маской, которую, возможно, когда-то и присыпало немного в метро. Вот с той и пускай разбирается, а не с ней, к которой вся эта история вообще никаким боком. Фишка где? Пока радовало одно, что скоро она приедет домой после всего этого театрального бреда, уляжется в кровать, закроет глаза и... слепящие лучи фар снова вопьются в ее глаза своим мраком – кошмар, преследующий теперь каждую ночь. Кэт передернуло, час от часу не лег-

че. Впрочем, от этого видения она постарается как можно быстрее избавиться и оказаться в мире своих фантазий, постаралась успокоить она себя. К примеру, как она снималась однажды в кино с самим Дугласом или... Но уже в следующую минуту ее головой владели мысли, что все это оказалось враньем этого смазливового Альберта, прокрутившего с ее помощью замечательную аферу на миллионы долларов, отвалив и ей якобы целый миллион. Какое там кино, какие там съемки в Голливуде, вздохнула Кэт. Она в России, где ее самым наглым образом разводят. «Театр начинается с вешалки», – вспомнила она слова этого мерзкого красавчика. Вот сам пусть и вешается, а она сейчас встанет и одна поедет домой, никого не дожидаясь, слава Богу, машина с водителем всегда наготове. Но тут зазвучало Лунное танго, в голове зашумело от выпитого, и она осталась, опьяненная чудесной мелодией и вином. На сцене и появилось еще одно действующее лицо – Арлекин в обтягивающем по фигуре красно-черном наряде, тут же закружившийся в змеином танце смерти вокруг своего темного повелителя. Два смертельно белых лица в темноте: женское – в колпаке с красными бубенцами и мужское – с черной повязкой на глазу, впившиеся в Кэт. Ей именно так все и показалось, в чем ничего удивительного, подобным в зале могли похвалиться многие, как и все те, кто хоть однажды видел портрет Джоконды, ловящей чужие взгляды. Любая сцена только этим и живет, что сначала цепляет взгляд зрителя, а затем начинает с него сосать. И чем

талантливей на сцене играл актер, тем больше он энергии тратил сам и тем больше тут же забирал из зала. Этот же и вовсе явился сюда с темными планами вернуть себе ту, потерянную тринадцать лет, на которую она якобы так похожа. Похожа в маске, которую именно для этого на нее и нацепили, чтобы потешить демона... Кэт в ужасе снова прикрыла глаза. пораженная своей догадкой, что именно она и есть самая главная фишка всего представления, которая должна исчезнуть у всех прямо на глазах, как тот вагон у Копер... как там его, блин...

Псих придумал себе, что его любимая пропала много лет назад в подземелье и спокойно с этим жил, выйдя из психушки совсем другим человеком, переродившимся. Чудовище умерло, да здравствует чудовище! Поэтому его и постарались представить покойником, догадалась Кэт, ведь что за представление без интриги. Умер, родился и жил долго и счастливо, продолжала издеваться дальше Кэт, ища глазами незнакомку в черном, но той и след простыл. И вдруг этот покойничек увидел ее на рекламных щитах живой и невредимой, было с чего снова крыше поехать. Жить столько лет под чужим именем, бояться всю жизнь разоблачения и на тебе... Девка даже и не думала подыхать под завалами! А в кино, значит, раньше он ее не видел? Может и не видел, решила она. Сейчас у многих в квартирах нет телевизоров, чтоб бредятину не смотреть. И все равно было маловероятно, что знаменитость оказалось не замеченной, тем более тем, кто

ее однажды уже закопал по молодости и потом сильно любил. А теперь решил от нее избавиться еще раз, чтоб случайно она его где не узнала. И вообще все, что ей здесь уже наплели про этого типа со сцены, что все это художественный свист в исполнении одного актера. Никаких романов он не писал и никаких молоденьких актрис в метро не закапывал, а увидел на плакате эту Клинову, вот чувака и переклинило. Да так крепко, что вспомнилось даже то, чего никогда не было... Далее – дело техники, подстроить все так, чтобы эта актриска сегодня оказалась за этим столиком и в скором времени уже в объятиях этого сумасшедшего. Нанял людейшек, за деньги в этой стране можно все, а те уже нашли с похожей моськой без мозгов после аварии, вкололи в клинике еще какой-то гадости, чтобы она все про себя забыла окончательно и понеслась мадам по кочкам. И все бы так, вздохнула Кэт, если бы только Альберт ей не признался, что она ничуть не похожа на эту Клинову с рекламного щита, а вот миллиардерша похожа. Поэтому и понадобилась ее маска, чтобы Кэт вжилась в роль. Себя она сейчас воспринимала только под этим именем и другого не признавала. Ни паспорта при себе, который ей еще не восстановили в посольстве, ни прошлого, которое она знала только с чужих слов, ни настоящего, если уж быть совсем честной, чем не кандидатура для фокусного исчезновения? И даже имя чужое, к которому она уже привыкла. Неожиданно все тело Кэт покрылось мурашками. Ее же даже искать никто не будет, если

она вдруг исчезнет. Известную актрису никто не ищет, а уж аферистку типа ее, раскрутившую американцев на миллионы если и будут искать, так лишь для того, чтоб упечь за решетку. С другой стороны, если она сама и есть эта Клинова, которую из этого клуба на тот свет или в психушку? Доказывай потом, что этот псих со сцены хотел ее убить, для чего все и было придумано. И свидетелей уйма... Которые потом от всего откажутся и заявят, что не было никакого представления. А что, так ведь с ума и сводят... И где сам Альберт, уж не на сцене ли? Но Кэт тут же откинула эту вздорную мысль, что угодно, только не это, какой из мальчика злодей, похищающий людей, разве что забить насмерть бейсбольной битой несколько случайных комаров при неудачной попытке попасть по мячику. За несколько последних дней их нового знакомства, старые-то отношения все стерлись, она составила об этом баловне судьбы себе вполне реальное представление, что от него можно было ожидать, поэтому и не питала никаких иллюзий относительно его театральных способностей.

Высокий, благоухающий французским одеколоном, улыбающийся и гладко выбритый, он производил впечатление успешного человека на окружающих. К тому же он был и в самом деле материально обеспечен, имел хорошие связи и был вхож во многие приличные дома столицы. Однажды даже был приглашен на свадьбу дочери одного провинциального министра, выложившего из своего кармана по слу-

хам около пяти миллионов долларов, чтобы только не упасть в грязь лицом перед другими ворами. Ударившегося в бега позже, но кому это уже интересно... Да что министр, бывший мэр, лишенный доверия несколько лет назад, лично знал красавчика и способствовал повышению его статуса завидного жениха и некоторые знатные девицы на выданье даже и не скрывали того, что не прочь оказаться в его постели в расчете на будущее выгодное замужество. Встречались среди них и красивые особи, и даже очень, но он как-то не спешил заковывать себя в колодки. Его вполне устраивало нынешнее положение вещей, и что-то менять в этом плане он не собирался, по крайней мере, в ближайшем будущем. Кэт он тоже нравился. Было в нём что-то от самца, что ей и импонировало, не до такой степени, чтобы завалиться с ним в постель, но чем черт не шутит. Он знал ещё кучу всяких вещей, касающихся другой стороны человеческих отношений, где не всё, к счастью, решали только деньги. Он часами мог рассуждать о Сартре и читать наизусть Цветаеву, размазывать по стенке Пикассо и восторгаться Никосом Сафроновым. Вот только как бизнесмен он все больше и больше вызывал у нее сомнение. На главную их совместную стройку – океанариум, в который она несколько лет назад якобы вложила прилично миллионов долларов, так вот на этот объект он так ее и не свозил. И если бы она сама в бумагах случайно не наткнулась на этот объект, то так и продолжала бы пребывать в неведении, что такая стройка вообще существует.

Удивляло другое, что если там и в самом деле все было так плачевно, в чем Кэт почти уже и не сомневалась, то почему он дал ей так свободно капаться во всех бумагах, эту папку-то мог бы и спрятать, все равно бы не вспомнила. Значит, был уверен, что не разберется, решила Кэт, а она взяла и разобралась.

И сразу же оказалась на этой чертовой вечеринке, где ей открытым текстом и заявили, что к этой грандиозной стройке она не имеет никакого отношения, собственно, как и к личности миллиардерши, за которую выдавала себя все последнее время. Неизвестно, кто еще больше аферист и проходимец во всей этой афере, быть может, именно она все это и затеяла, выяснив однажды, что немного похожа на богатенькую американку, подговорила Альберта и лично разработала всю операцию по изъятию пары десятков миллионов долларов из чужого кармана. Подстроили аварию с настоящей миллиардершей и понеслось. Прикинуться дамочкой без памяти особого труда не составило, труднее было убедить в этом американцев. Но и с этим она тоже хорошо справилась, не иначе, долго тренировалась и изучала настоящую Кэт, чтоб полностью срастись с образом. И все бы для нее сложилось путем, если бы вдруг она и на самом деле не потеряла память, чем тут же и воспользовались ее подельники, решившие подставить по крупному только ее одну, а потом убрать, чтобы все концы в воду. Точно что-то вкололи, вернулась она в очередной раз к мысли, которая

ее уже посещала. Чтоб не делиться... Специально весь этот спектакль и разыграли у всех на глазах, чтобы от нее избавиться. Свалить все потом на психа со сцены и мама не горюй! Возможно, что Кэт и в самом деле потеряла частично память после укола, но логически мыслить-то она не разучилась, что и обнадеживало. С другой стороны, может, и не было вовсе вокруг нее всех этих странных типов со своими предупреждениями, задумалась она. Может быть, все эти персонажи из чужого представления на самом деле – ее собственные внутренние голоса? Вот она уже и сходит с ума. Бред! Кэт тут же постаралась избавиться от этой вздорной мысли. В этом случае ее место было не за этим беленьким столиком в театре черного актера, а уже в психушке. Женщина зажмурилась и даже больно ущипнула себя за руку, чтобы убедиться в обратном, не помогло. Более того, она вдруг поймала себя на мысли, что все больше и больше отождествляет себя уже с этой актрисой с рекламного щита, маску которой успешно таскала уже несколько дней, все дальше и дальше отдаляясь уже даже в мыслях от той Кэт, которая так успешно уже развела на бабки доверчивых америкосов. А что? Дело сделано, можно и в свое тело возвращаться. И это уже, в самом деле, пахивало если и не шизофренией, то раздвоением личности – однозначно.

«Убийцу и его жертву разделяла какая-то сотня метров и кирпичная стена клуба, – читал тем временем человек со сцены хриплым голосом, пока публика из темного зала переваривала его экстравагантное появление, – заполненного сверкающими сучками и самоуверенными кобелями, уверенными в своих безграничных возможностях. Сливки общества смаковали шикарные вина, урожая года смерти Наполеона и дымили дорожными сигаретками и сигарами, гадко скалясь при этом друг другу своими фальшивыми до искусственной белизны ухмылками, демонстрируя фальшиво-идеальные зубы по несколько тысяч долларов за каждый. Маски бездушия в отвратительном мире лицемерия старательно изображали из себя живых...»

– И в чем вся гадость вашей вещицы? – кому-то из зала уже через минуту надоела вся эта чушь, слушанье которой он тут же и решил прекратить провокационным вопросом. Выбиваешь всадника из седла, а дальше уже дело техники – затоптать беднягу копытами собственной же лошади.

– В предсказуемости, – ответил спокойно выступающий, на которого, похоже, подобные приемчики не действовали.

– И в чем эта ваша предсказуемость выражается? – не унимался товарищ, которому вроде бы уже и ответили, но види-

мо, не до конца.

– В отсутствии случайностей, извиняюсь, с кем имею честь?

– Нервозов... Хотелось бы узнать и вашу фамилию, любезный. Ведь вы явно не тот, за кого себя здесь выдаете в этом костюмчике.

– Уж не тот ли самый из шестисот секунд?

– У меня своя программа, не смешивайте.

– Все последующее всегда вытекает из предыдущего, – выступающий, видимо не расслышал ответа и продолжил развивать свою мысль дальше: – К примеру, возьмем одного отдельно-вырванного из зала идиота, – хлопки в зале, – ваша версия развития событий, он сам уйдет или его выведет охрана? Результат предскажем, согласитесь...

– Попросил бы! – взвизгнул оскорбленный до глубины души журналист.

– В долг не даю даже друзьям.

Хлопали долго, в том числе и Кэт, которой было вовсе не до хлопков.

– Вот вам и вся предсказуемость, еще есть вопросы? – подытожил выступающий со сцены, провожая холодным взглядом своего неудавшегося оппонента, стремительно направляющегося нервной походкой к выходу.

– И вы со всеми так, чьи вопросы вам неуютны? – спросила вдруг Кэт, неожиданно даже для самой себя.

На что человек во фраке ей ответил, что только с теми,

кто этого заслуживает.

– Как интересно! – воскликнула прилично пьяненькая уже дамочка в вечернем платье с обнаженной спиной, направляясь неуверенной походкой к сцене. – Нам все творческое интересно выше крыши, напомните, плиз, название самого вашего нашумевшего произведения, чтобы мы наконец вспомнили, с кем имеем дело, если свой фамилий не желаете афишировать.

– Не вспомните...

– А вдруг? – улыбнулась та, забравшаяся к этому времени уже на сцену и теперь пьяно покачивалась из стороны в сторону, пыталась подняться с четверенок на ноги.

– Видите ли, – писатель неизвестного романа подошел к ней и подал галантно руку, чтобы помочь принять вертикальное положение, – если я сам давно уже забыл название этой некогда нашумевшей вещицы, то другим вспомнить ее и вовсе не под силу.

– А если я все же вспомню, что мне за это будет? – не унималась пьяная, одергивая задравшийся подол платья.

– Не вспомните... И потом, я давно уже не пишу.

– Уж не потому ли, – пьяненькая снова улыбнулась, кокетливо икнув, – что никакой нашумевшей вещицы и не было вовсе?

Писатель поморщился, что может быть хуже перебравшей дуры, уверенной, что за деньги можно все, лишь бы только себе в удовольствие.

– Не хотите отвечать, не надо, – снова икнула мадам, – тогда скажите, где сюжеты берете для своих обалденных вещей, про которые никто не слышал? И, пожалуйста, не вздумайте меня скинуть со сцены, без ответов все равно не уйду, а если еще и ногу сломаю по вашей милости, то ты от меня вообще никогда не отвяжитесь. Уяснил?

Одобрительные хлопки в зале. Публике *спектакль* уже начинал нравиться.

– Сначала где-то и с кем-то что-то происходит, – ответил он пьяной даме, решившей, во что бы то ни стало, достать его своими вопросами, – а уж потом к информационному полю подключаются творческие личности, которые затем и выдают все за свое, к примеру...

– К примеру, – продолжила за него вредина, для которой три секунды молчания уже было подвигом, – одна пьяная в стельку сучка не справляется с управлением, устраивает на дороге кашу из машин, слетает в кювет, врежется в столб и попадает в клинику с полной или частичной амнезией. Прикидывается там овцой, чтобы ни за что не отвечать и очень даже хорошо себя чувствует, а виновником ДТП в это время делают одного лоха, собирающегося вообще-то в отпуск со своей невестой, чей джип каким-то странным образом попал в ту же самую заварушку. Объясняет, что тачку угнали, но ему не верят и пытаются привлечь за чужие грехи. В итоге невеста отправилась на моря одна, не пропадать же путевкам, а его самого снимают с рейса, делая крайним. Как

вам сюжетик, будем развивать тему дальше?

– Нет, не будем, – последовал жесткий ответ.

– Согласна, – махнула она рукой. – Не вам пришло в голову, а другому, и это давно уже издано. Интересно другое, а может ли все это произойти в реале?

– Вполне, это же не фантастика. Некоторые авторы пытаются моделировать события в реале, чтобы потом изложить их на бумаге. Есть примеры в истории, один автор детективов, которого покинула муза, зарезал свою жену прямо в квартире и вывез по частям ее расчлененное тело на свалку, чтобы описать затем в своем романе идеальное преступление.

– Нам это неинтересно, слушать про других, вы про себя расскажите! – захлопала в ладошки пьяненькая, решившая, по-видимому, во что бы то ни стало сорвать выступление. – Повторяю для глухих, можно ли смоделировать уже написанное, какой-нибудь романчик столетней давности, про который никто не слышал? Можно ли продублировать его в реале, посмотреть, что получится, немного подработать и затем выдать за свое?

– Думаю, что вам пора покинуть сцену, – предложил ей писатель.

Кто-то в зале снова захлопал в ладошки, поддерживая, а кто-то наоборот выкрикнул, чтобы убрали со сцены постороннюю.

– Да заткнитесь вы! – отмахнулась она и продолжила,

но только уже почти шепотом, чтобы *никто* не слышал: – Заканчивай свое представление, поиздевался немного над людьми и хватит, чтобы самого не шарахнуло.

Но это она так думала, что прошептала, забыв про микрофон, который и разнес ее угрозу по всему залу. Зал в гробовой тишине переваривал услышанное, провожая напряженными взглядами спускающуюся со сцены. Становилось и в самом деле интересно.

– Вижу, что зацепило, – вышел из положения выступающий, поднимая руки, – Арлекин сделал свое дело, аплодисменты! И смотрим на экран в ожидании продолжения.

Свет гаснет и начинается кино. Черно-белое и такого скверного качества, будто снимали все и в самом деле сто лет назад древней камерой, а не каких-то несколько дней назад.

– Я не поняла, что это было? – уставилась Кэт на побледневшего Альберта, занявшего к этому времени уже свое положенное место за столиком рядом с ней, когда экран наконец погас и на сцену снова вышел автор, все в той же черной повязке через глаз, но только уже не во фраке, а в обычном... Впрочем, не важно, в чем он там вышел, главные события этого вечера все равно уже переместились в другое место.

– Кино, – пожал плечами красавчик.

– Со мной в главной роли?

– Не бери в голову, непредусмотренное совпадение сюжетов, не более... Все мы в этом мире марионетки обстоя-

тельств, дергают за ниточки всех, потому все такие и дерганые.

– Альберт, ты себя слышишь? – уставилась она на него. – Я тебе задала конкретный вопрос, на который желала бы получить такой же конкретный ответ, что вообще здесь происходит?

– Да не знаю я, – чуть ли не выкрикнул он, – хрень какая-то... Сам ничего не понимаю!

– Как и с развешанными по городу моими портретами, – сжала губы Кэт.

– Это не твои портреты, сказал же, – огрызнулся он.

– Пока не увижусь с этой актрисой, я же тебе говорила, – разозлилась Кэт, – вопрос останется открытым. Что говорит сама эта русская, ты с ней связался? Или я и есть Клинова, которую отсюда и в психушку, да? Ты за этим меня сюда при- тащил?

– Достала, блин...

– Я хотела бы попасть домой, проводишь?

– Думаю, что вряд ли, – ответил ей за него тот самый, который еще секунду назад был на сцене, а сейчас стоял перед их столиком и нагло вмешивался в их разговор.

– А вас вообще сюда не приглашали, – свирепо уставилась на него Кэт. – Вижу, что у вас просто в крови портить людям настроение. И вообще, черт, что за привычка – встречать, сначала один, потом другой, теперь третий. Я вообще-то пришла сюда отдыхать, а не языком чесать, вы свобод-

ны, поищите себе другую мишень для своего самоутверждения, хотя бы ту зеленую...

– И чем же это я его вам испортил? – спросил подошедший, прикидываясь непонимающим.

– А то вы не знаете, – сверкнула она глазами. – Выставили меня на всеобщее посмешище и радуетесь.

– Я?!

– Да перестаньте уж кривляться. Вы, конечно, со своим кино!

Подошедший усмехнулся:

– Вы про пьяную зарисовку? Так нечего было пить за рулем, не было бы и никакого кино с вашим участием.

– К вашему сведению, – Кэт готова была разорвать его в клочья, – я тогда только вышла из самолета...

– ...И уже успела нажраться!

– Послушай, ты! – вскочил с места Альберт, точнее попытался вскочить, но тут же был усажен снова на место сильным нажатием на плечо волевой рукой того, в чью беседу не имел никакого права вклиниваться.

– Сидеть, щербатый, – рявкнул он, удерживая брыкающегося в сидячем положении, – если не хочешь остаться вовсе без зубов.

– Что вы себе позволяете?! – Кэт тоже попыталась вскочить и так же, как и ее приятель, чужой волей была усажена на место.

– Всего лишь маленькую проверку на дороге, – произ-

нес с дьявольской усмешкой мужчина, опираясь пятерней на стол, а второй ловко извлекая из кармана острую финку. – Если вы были пьяной за рулем, крови не будет. Если же трезвой, я даже признаюсь, что мы всю эту пьяную сцену сняли совершенно в другом месте и без вашего в ней участия; подобрали похожую актрису, напоили ее как следует и пьяную усадили в разбитый кабриолет, из которого она потом еле выбралась. Если же...

– Я управляла трезвой тот проклятый автомобиль, – процедила сквозь зубы Кэт, – поэтому провидение должно лишить вас целого пальца. Легкая царапина меня не устраивает. И развлекаться вы будите с завязанными глазами, в противном случае...

– Договорились, – кивнул сумасшедший, послушно давая завязать себе глаза на потеху всех собравшихся, немного подумал и добавил, что никогда не знаешь, что завтра встретит тебя с рассветом – новое утро или новая жизнь.

– В заваленном туннеле? – усмехнулась Кэт.

– В подвале заброшенного гаража, – совершенно серьезно ответил наглец.

Вечерок и в самом деле обещал быть замечательным, и это даже при том, что с этим трюком, когда лезвие ножа начинает с бешеной скоростью «носиться» между пальцами, при этом ни одного не цепляя, все были хорошо знакомы по многочисленным фильмам, где этот трюк использовался для накала обстановки. Фокусник еще раз, но только те-

перь в живую, продемонстрирует свою ловкость, собственно, ради чего и был снят розыгрыш с пьяной актрисой, признается, что американку разыграли и на этом все закончится. И в общем-то всё... никакой больше интриги, некоторые даже разочаровано покидают место действия, не дожидаясь концовки, все же рассчитывали на нечто большее, чем просто на *игру в ножички*.

– Ты меня проводишь? – спросила Кэт у Альберта, поднимаясь со вздохом. – Пока этот клоун будет стучать здесь ножом меж своих пальцев, мы уж дома будем. Чего скалишься, сумасшедшей сделать меня все равно не получится, как бы вы всей кодлой здесь не старались.

– Провожу, – буркнул Альберт, но даже не сдвинулся с места, завороченно уставившись на отрубленный палец, дергающийся в луже крови на столе перед его носом. И только потом раздался дикий визг. Визжали и орали упакованные дамочки, до последнего не верящие, что такое возможно. Кэт не визжала, она молча встала и направилась к выходу, проклиная ту минуту, когда вообще дала согласие на посещение этого гадкого места.

Встречи стали опасны,
Эти игры для взрослых,
Первобытные танцы...

Арбенина все же появилась в клубе, хоть и поздновато, начав выступление одной из самых своих известных вещей:

Тишина атакует,
Мы в секунде от неба.
Поздно бабочкой в стекла...

Стеклянную дверь при выходе из заведения им услужливо открыл ряженный в красный камзол самый настоящий серый волк, голову которого украшал еще и белоснежный парик с завиточками. Что не удивило, в зайчиков, белочек, волков и прочих замечательных зверюшек из русского леса была выражена вся обслуга этого серьезного заведения, на кого разозленная Кэт уже не реагировала, лишь бы поскорее отсюда убратъся. Одни сновали с подносами, разнося напитки, другие открывали двери, третьи... Короче, все по-прежнему были заняты делом, обслуживая хозяев жизни. Кроме той единственной, кого целенаправленно сводили с ума все эти зайчики, козлики и всякие там писатели.

Слышится гул самолёта, снайпер вглядывается в черное небо, пытаясь по шуму отыскать там знакомые огоньки. Воздушный извозчик, светлячком держит курс на север, уверенно разрезая тучи и время, всё дальше и дальше уносясь в темноту. Ещё минута и он совсем пропал из виду, а вскоре пропал уже и звук от его турбин.

– Слышишь меня? – трещит в микрофоне.

– Наконец-то, – отвечает стрелок, прильнув снова к прицелу. Ещё немного и всё будет позади.

– Цель на подходе.

Снайпер отыскивает в прицеле стеклянную дверь клуба и напряженно замирает в ожидании решающего момента, рассматривая стоящего около входа швейцара и разодетую публику. Публика ещё та, если не бриллиантовая, то уж точно золотая: дамы в вечерних длинных платьях всевозможных цветов и оттенков с килограммами драгоценностей на телесах, а мужики все поголовно в чёрных смокингах и с бабочками. Хозяева жизни.

Первые три месяца грудничок вообще все видит *вверх ногами*, только лицо матери в истинном свете, потому как у самого голова перевернута, когда грудь сосет. Проходит время, и вот он уже начинает ползать на четвереньках, становится на ноги и делает первые шаги на своем жизненном пути. Через пару лет он идет в садик, затем в школу, болеет, растет, влюбляется, получает достойное образование, становится взрослым и успешным, начинает зарабатывать деньги, а если везёт с родителями, то и очень большие деньги, устраивается руководителем в банк, строит глобальные планы на будущее и радуется, как малое дитя, жизни. И как иначе, когда сотни, тысячи других людей по всему свету трудятся в поте лица не покладая рук, чтобы сделать его жизнь прекрасной. Мало! Поэтому он летит в Африку, чтобы еще и океан переплыть, где благополучно и тонет. Уходит где-то в Сибири под лед золотой отпрыск еще одного успешного из элиты. Эти за чей-то успех уже расплатились. Другой вы-

сокопоставленный чиновник в это же самое время отправляется в Якутию на охоту кабанчиков с вертолета пострелять, где сам становится «кабанчиком», погибая от пули еще одного такого же стрелка прямо в вертолете во время якобы проверки оружия. Четвертый же просто идет в ночной клуб, чтоб поиздеваться над одной дурочкой, возомнившей себя миллиардершей и сдать потом в психушку, а вместо этого на выходе из клуба получает пулю в лоб.

– Цель на подходе, — слышится отвратительное в микрофоне.

Снайпер еще плотнее прилипает к прицелу, еще минута и все наконец закончится.

– Тип в белой рубашке с дамой, – скрипит микрофон в ухе. – Твоя цель слева.

– Слева дама...

– Твоя цель слева, кретин! Не понял?

В прицеле *сама* Екатерина Клинова – известная актриса российского кинематографа. Или та стерва, которая уже однажды появлялась с охраной возле его подъезда в сопровождении охраны, на нее похожая. Хотя нет, тут же усомнился стрелок. Та была другой, вовсе не похожей на эту. Если только самую малость...

– Не слышу? — напомнил о себе микрофон.

– — Да пошел ты, — стрелок, не отрываясь от прицела, со злостью выдернул из уха устройство. «Игра продол-

жается, — злая усмешка понимания, что его снова провели, исказила его лицо. — Захватывающее онлайн представление для зрителей и смертельное для ее участников, находящихся внутри этого адского круга». Прицел застывает на левой груди несчастной. Изящная, слегка вздрагивая в такт походке, играет под лёгкой, прозрачной тканью платья, при этом крупный сосок, приближенный оптикой, настырно пытается прорвать ткань и вырваться наружу. Женская грудь в перекрестии прицела, что вообще может быть прекраснее для настоящего убийцы! Вдохнув воздух, снайпер задерживает дыхание и останавливает перекрестье как раз посередине ее красивого лба, чтобы уж наверняка! Вспоминает рисунок с изображением Мадонны с младенцем в перекрестии прицела, прикрепленный в офицерской гостинице обычной кнопкой к стене. Рисунок Ивана, которого уже не было в живых, а скоро не станет и его. И вот от этой улыбающейся красотки из ночного клуба сейчас зависела жизнь Киры. Надо было очень постараться, чтобы так влипнуть. И в это мгновение приговоренная к смерти, словно что-то почувствовав, поднимает голову и смотрит прямо в глаза своему убийце, внимательно изучающему ее через мощную оптику прицела. Палец на спусковом крючке, цель в перекрестии прицела. И окончательное решение, что даже ради своей любимой он никогда не выстрелит в эту несчастную, неизвестно кем приговоренную.

Что теперь между нами?
Никогда не забудешь...

Продолжала петь в клубе певица Арбенина. Выстрел! Где-то во вселенной с мощным грохотом разлетаются осколки *кирпичной кладки* в разные стороны. И еще искры из глаз где-то на крыше у человека в маске. И нечеловеческая боль в затылке. И черное ничто вокруг.

Раскачивается где-то над сценой в пустом ночном клубе черная маска на веревке. Без всякого дела, так никем и не срезанная...

РПГ-7 представляет собой гладкую трубу безоткатного типа с открытым сзади стволом. Стрельба производится с плеча, так как в задней части ствола расположено сопло для выброса пороховых газов. Ударно-спусковой механизм состоит из винтовой боевой пружины, открытого курка, спускового крючка и кнопочного предохранителя. Может иметь оптический прицел, что не лишне при ведении прицельной стрельбы на расстояние до 500 м активно-реактивным 85-мм выстрелом ПГ-7В, состоящего из самой гранаты и порохового заряда. Реактивный двигатель присоединен к головной части заряда. При выстреле часть порохового заряда истекает сзади из сопла гранатомета, создавая позади стрелка зону опасности глубиной более 20 метров. Запуск же реактивного двигателя гранаты осуществляется автоматически, после того, как она удалится на 10 и более метров от стрелка. При встрече гранаты с препятствием ударник моментально продвигается вперед под действием инерции и пробивает своим жалом капсюль-детонатор. Граната спокойно пробивает метровую кирпичную стену, более полуметра железобетона броне танка, толщиной в 260 мм. Характеристики и в самом деле заслуживающие даже более, чем уважения, особенно, когда они все у тебя на плече и оружие только того и ждет, чтобы доказать их верность на практике. Мертвый уже с пуле-

вым отверстием лейтенант-танкист возле танка, накрывший собой замотанную в пуховый платок кроху; с вытаращенными в диком ужасе глазами орущий механик-водитель из люка танка и... засвеченная позиция вражеского снайпера. Того самого для которого все эти характеристики и предназначались, готового уже в следующую секунду отправить на тот свет еще и механика. Если бы всего на мгновение раньше гранатометчик не привел в действие свое оружие, и теперь с удовлетворением наблюдающий вспышку взрыва гранаты и разлетающиеся в разные стороны кирпичные осколки «кукушкиного гнезда». Застыл растерянно танк без своего командира в немом молчании на перекрестке.

Черная маска на крыше обхватила голову руками и застонала, приходя в сознание и возвращаясь из холодной и опасной реальности прошлого в теплое, но не менее опасное настоящее. Голова раскалывалась, стрелок провел рукой по затылку и почувствовал на ладони липкую влажность. Вот и объяснение всему, подумал он, закрывая глаза. Пустая винтовка Драгунова валяется рядом, тут же валялись его перчатки и три использованных гильзы. Сразу подумалось про отпечатки пальцев на оружии, а теперь еще и про следы собственной крови на винтовке, которую уже никакой тряпкой не сотрешь. Кто-то, приложившись чем-то тяжелым к его затылку, явно все делал продуманно, чтобы у следствия вообще не было никаких сомнений в виновно-

сти последнего. Напавший сзади не учел только одного, что его жертва так быстро очнется. И если собственные отпечатки можно было еще стереть, то избавиться от следов крови на винтовке возможности не было никакой, как и от самой винтовки. *Игра* продолжалась, присоединив к случайному трупу бомжа на помойке и погибшему в машине Ивану еще, судя по всему, парочку трупов возле ночного клуба. Собрав гильзы, стрелок попытался вспомнить, успел ли он сам сделать хоть один выстрел, прежде чем его вырубili. Что ничего уже не меняло в принципе, результат был достигнут. За который ему и придется в скором времени отвечать. Для чего, собственно, и был затеян весь этот спектакль. С ужасом он *добрался до края* крыши и взглянул с опаской вниз. На удивление, но там внизу люди все еще продолжали копошиться. Значит не так уж и долго он провалялся без сознания, но достаточно для того, чтобы стать крайним. Киру не спас и себя уничтожил, скривился он. Молодец, ничего не скажешь. Вспомнился снова *ее* дикий крик, записанный на кассету. И как только он смог поверить, что *они* ее не тронут, если он выполнит все их условия. Надо было срочно придумать, что делать с оружием убийства. Появиться на людях с винтовкой после совершенного убийства – было бы, конечно, круто, но такой вариант его точно не устраивал. И оставлять оружие здесь с его отпечатками и следами крови, означало – подписание себе пожизненного приговора, под который, собственно, его и подставляли. На приня-

тие решения ушла секунда.

Пока же стрелок валялся без сознания, приходил в себя и спускался с крыши вниз по единственной лестнице, рискуя нарваться на полицию, успев ударом об стену отбить от винтовки приклад, а остальную часть спрятать под курткой, события внизу возле клуба приобрели уже должную кровавую окраску. Выстрелов слышно не было, что не помешало роскошной публике возле входа в элитное заведение сначала немного напрячься, пропуская через хмельные головы случившееся и только после этого впасть в самую настоящую истерику. Раздались дикие крики, после чего совсем не простые люди очень даже по-простому бросились спасаться врассыпную кто как может. Только что улыбающийся мужчина в слегка затемненных очках в золотой оправе лежал на освещённом асфальте и больше не улыбался, а чуть выше локтя на рукаве его белой рубашки виднелось большое красное, постепенно увеличивающееся в размерах красное пятно крови. А рядом, схватившись за голову, дико визжала в истерике его американка с маской русской актрисы на своем изуродованном аварией лице, еще недавно готовая даже полюбить эту дикую страну, а уже сейчас... Ну или визжала та, которая себя за нее так успешно выдавала последние несколько дней. Следствию еще только предстояло в этом разбираться, уж не она ли сама своего хорошего и заказала!

– Боже, не дай ему умереть, – Кэт перестала вопить и опу-

стилось на колени возле несчастного. Раненый лежал прямо возле стеклянных дверей, загораживая собой проход. Лицо бледно, глаза закрыты, рубашка в крови; скомканный смокинг подложен под голову. Кто-то из окружающих сообразил даже сделать из нескольких ресторанных салфеток большой тампон и наложить его на кровоточащую рану подстреленного. Кто-то просто сделать несколько удачных снимков, чтоб тут же поделиться ими со всем миром. Без видео тоже не обошлось, как же без этого, сняли на камеру всех кто внизу и про того, кто наверху тоже не забыли, заснятого чуть раньше. «Скорая» подросла быстро, как будто только этого и ждала, поэтому даже Кэт немного успокоилась, когда несчастным профессионально занялись врачи. Она порывалась ехать с раненым, но ее вежливо отстранили от носилок, и в машину он проследовал уже только в сопровождении медработников. При этом кто-то из присутствующих обслуживающе заметил, что рана пустяковая, а на войне вообще такие раны только в «особом отделе» лечились. И даже хихикнул, но его юмора никто не понял, и аплодисментов не последовало. Кэт все же попыталась прорваться к несчастному, но некто-то из обслуживающего персонала в красном и с мордочкой какого-то щекастого зверька из ночного клуба взял ее сзади за плечи и тихонько на ушко предложил пройти к своему автомобилю, чтобы уже на нем самостоятельно следовать в больницу за каретой «скорой помощи». Подача автомобиля к входу входила в обязанности заведения. Слу-

живый в маске зверька, открыв дверь, услужливо помог ей сесть на переднее сиденье, а затем сам занял за рулем место водителя. Двигатель бесшумно завелся, и серебристый «Мерседес» плавно тронулся с места. Оглянувшись, она попыталась отыскать взглядом белую машинку с красным крестом, но вместо нее, которая к этому времени уже укатила, увидела в заднее стекло лишь своего охранника, бежавшего следом за ними с вытаращенными глазами и что-то исступленно кричащего; того самого, который, по ее мнению, сейчас должен был управлять автомобилем, а не нестись где-то сзади по улице, размахивая револьвером и паля из него по машине.

– Пригнись, дура, – приказал ей «зверек», силой пригнув ее голову книзу, – жить надоело!

Так в сложенном положении Кэт и дожила до того светлого момента в этой темной ночи, когда выстрелы прекратились, охранник отстал и она, выпрямившись, смогла наконец насладиться видом своего похитителя, собираясь с мыслями и пытаясь хоть что-то понять из всего того, что вокруг нее происходит. Тщетно... Автомобиль на бешеной скорости рассекал ночной город, увозя ее все дальше и дальше в неизвестность, а она почти спокойно, войдя в состояние ступора, сидела на месте пассажира, тупо пялилась на своего нового «телохранителя» и ничего вообще уже не соображала. Вместо того чтобы спасать, охрана сама палит по машине, впрочем ей же намекали, что должно было что-то произой-

ти, вот это самое и произошло: одного почти убили, а другую похитили. Вечер удался, можно было и расслабиться.

– Куда вы меня везете?! – заплакала в отчаянии Кэт, до которой наконец стала доходить вся ужасная суть происходящего, что ее злключения вот сейчас только и начались.

– Туда, где темно, тепло и мухи не кусают, – прозвучало в ответ непонятное, тихое и совершенно равнодушное, что дамочку и вырубило окончательно.

Самая главная утренняя новость того дня – было падение лифта со смертельным исходом, теперь уже элитном жилом комплексе «Алые Паруса». Одной гибели грудничка в лифте для всей полноты понимания ситуации оказалось недостаточно, потребовалась смерть более весомая, на тот свет отправилась дочь одного известного в прошлом телеведущего. Вторая новость, затмившая по популярностью первые две, касалась убийства русского бизнесмена и похищение американской миллиардерши. Очаровательная ведущая новостного портала «Life News» бесстрастным голосом сообщала, что этой ночью в центре Москвы было совершено покушение на известную в прошлом фотомоделю, а ныне – вдову миллиардера и владелицу всего его огромного бизнеса. По чистой случайности пуля попала в ее спутника, имя которого в целях следствия умалчивается. Второе покушение на данную особу за неделю, подстроенная авария на Ленинградском шоссе – было первым. Соединенные Штаты поставлены уже в известность, и между президентами двух стран даже уже произошел телефонный разговор по этому поводу – первые за последние девять месяцев. Новость сопровождалась кадрами, сделанными с мобильного телефона кем-то из случайных свидетелей и тут же отправленными по назначению в телецентр. Журналист Нервовозов в своей, возобно-

вившей снова работу после почти десятилетнего перерыва, передаче с честным названием «Минута правды», выразился более конкретно, найдя уже даже виновных. Похваставшись, что ему даже повезло взять у исчезнувшей американки интервью перед самым ее похищением, тележурналист заявил, что миллиардерша была похищена вежливыми хомячками по указке сверху, которых в клубе было больше чем гостей. Американку убрали за осуждение русской агрессии на востоке Украины. Радиостанция «ЭхА» выдало и вовсе оригинальную версию случившегося, что *якобы* пропавшая американка просто инсценировала свое похищение, чтобы ее не заподозрили в организации заказного убийства своего молодого любовника, спутавшегося с одной алкоголичкой, устроившей натуральный скандал в клубе как раз перед самым убийством несчастного малого. Причем, это было не первым ее злодейством; смерть миллиардера-мужа тоже было под очень большим вопросом, которого она сознательно довела до крышки гроба. При этом на крыше дома была якобы даже найдена снайперская винтовка с «пальчиками» исполнителя, с которым она встречалась накануне прямо возле его дома. Следствие уже располагает записью подъездной видеокамеры. Ну и так далее... Шпарили по заранее написанному, даже не удосужившись проверить. А зачем? Кто платит, тот и заказывает... Предпоследним шло сообщение, что снайпера уже нашли мертвым. Пытаясь уйти от преследования, преступник на своем «Мерседесе» протаранил

ограждение набережной и был погребен грязными водами реки. И диктору, выдающему все это за правду, было совершенно наплевать, что в речку ушел «Майбах», а не «Мерседес» и за несколько дней до прошедшей ночи. Еще сообщалось, что где-то в Африке террористы захватили отель, чтоб всех там к чертовой матери взорвать. Людям нужна была правда и они эту правду получали.

В подвале было почти светло, во всяком случае, достаточно, чтобы различать окружающие предметы. Единственная свисающая с потолка лампочка, мощности которой и для уборной-то было мало, делала этот подвал почти пригодным для жизни. Иногда лампочка начинала шалить, превращая жизнь в комнате в сплошную дискотеку, без музыкального сопровождения, правда, но зато со световыми спецэффектами. Случалось, правда, это не часто, поэтому особо и не раздражало. Но постепенно такой режим работы лампочки, похоже, устраивать перестал, и она после очередного такого своего издевательского мигания вдруг погасла совсем. И вот тогда этот подвал и превращался в сырой и холодный склеп. Тогда с единственной железной кровати, занимающей почти половину этого убого помещения, поднималась женщина и принималась эту лампочку, как могла, ремонтировать. Иной раз для появления света требовалось всего ничего, лишь до нее дотронуться, а иной – приходилось и основательно повозиться, вкручивая и выкручивая

эту стеклянную хрень из патронника. Последнее время же свет в подвале стал пропадать все чаще и чаще, и бедняжка со страхом для себя ждала того жуткого момента, когда он погаснет уже окончательно, похоронив заживо ее в этой темноте. Большую часть времени женщина лежала на кровати, укрывшись старым ватным одеялом. Удивительно было не то, что оно было старое, а то, что оно до сих пор еще было целое. Штопанное-перештопанное, с выдранными кусками своей плоти, оно все еще ухитрялось ее согреть. Узница этого склепа, в которой только с большим трудом можно было сейчас узнать Кэт, большую часть времени или просто спала, если можно было назвать сном то полуобморочное состояние, в котором она пребывала, или тупо тарасилась в потолок остановившимся взглядом, выискивая на нем всякие мелочи, типа трещин или отвалившихся кусков побелки. Хоть какое то, пусть и бессмысленное, но все же развлечение. Существование... Упражнение на сосредоточенность, заключающееся в том, что если научиться непрерывно в течение пятнадцати минут смотреть на бутон розы, изучая его подробно во всех деталях, то можно значительно преуспеть в делах. Вот и преуспевала, как могла в самосовершенствовании. Узница уже знала, что если долго, очень долго смотреть в одну точку на потолке или на стене, то эта точка начнет жить своей жизнью. К примеру, точка могла превратиться в какую-нибудь замысловатую рожицу, с которой можно было уже о чем-нибудь и поговорить. И она говорила. Она

рассказывала ей про свое выдуманное детство, про то, как ее из садика иногда забирал отец, а в основном все-таки это делала мать. Как она ходила в школу и как она очень любила в детстве мороженое, а еще больше любила ходить в зоопарк, но ни того ни другого не делала уже тысячу лет и что вряд ли когда уже сделает в будущем. После таких «утешительных» выводов ей становилось себя так жалко, что слезы сами заполняли глаза и проливались на щеки. Утешало одно, что здесь, в этом закрытом пространстве одиночества можно было себя и не сдерживать, делая вид, что она самая сильная в этом мире. Размазанные по глазам слезы, вонючая подушка под головой, жесть во всем и... постепенное ко всему этому безразличие внутри. И еще золотой *кенгуренок* – брелок, висящий теперь на ее шее, найденный ей на месте аварии возле сгоревшего дуба, как давно это было. На этот кусочек металла она и переключила чуть позже все свое внимание, устав от общения с мрачными точками окружающего ее замкнутого пространства.

Камера заключения была размером с гараж, точнее – с одно парковочное место. Это, собственно, и был гараж, вернее, подвал гаража, сооруженный когда-то предприимчивым хозяином втайне от жены и себе на радость. Только стенам было известно, сколько на этой скрипучей кровати перебывало дамочек легкого поведения, поэтому появление еще одной, сто первой по счету, их (стены) совершенно не удивило. Сам-то хозяин, судя по заброшенности помещения, дав-

но уже с этим делом завязал, а вот его железная кровать все еще продолжала со скрипом служить людям, та самая, на которой еще его дед с бабкой делали его маму, вот снова и пригодилась. Стены подвала были обшиты фанерой и когда-то даже покрыты лаком, но со временем сырость и плесень взяли свое и теперь вид у этих стен был, скажем прямо, не очень. Бетонный пол был по хозяйски застлан протертым до дыр линолеумом, а окон не было вообще, даже с решеткой с видом на небо. Какие окна в подвале? Зато в углу напротив кровати стоял древний, весь в пыли «Горизонт», пылился рядом видеоплеер. Старая тумбочка под телевизором была полностью забита видеокассетами с порно. Маньяк это дело очень даже любил, судя по количеству всевозможного видео, он много практиковал в одиночестве. Возможно, что снимал скрытой камерой свои половые развлечения, которыми потом и шантажировал дамочек, а возможно, что снимал видео просто для продажи таким же извращенцам, каким являлся и сам. И что это был сдвинутый на голову маньяк, Кэт даже и не сомневалась, представляя себе самое худшее, что вообще с ней может еще случиться. Молчаливые ягнята в реале, только ее картины предстоящего ужаса были значительно страшнее. Одно только воспоминание о скалящейся маске хомячка чего стоило. Валялась на полу и своя маска, которую она сразу же стащила с лица, как только пришла в себя после похищения. Забинтованное лицо с проступившими бурыми пятнами крови, сломанный под ними нос.

Поэтому и хорошо было, что в подвале не было зеркала, чтобы не расстраиваться еще больше. Больше всего пугала даже не смерть, а безысходность своего положения и мысль о том, что вот именно в этой выгребной яме ей и придется провести весь остаток своей замечательной жизни. Год, два, десять... Кошмар! Возможно, что и первая жертва иллюзиониста провела целых тринадцать лет в этом же подвале, а ведь ее предупреждали. Воняло нечистотами пластмассовое отхожее ведро в углу, какие обычно используют дачники, чтобы по ночам на улицу не бегать.

А как замечательно все начиналась: прилетела, врезалась в дерево и даже уцелела. Вот и надо было сразу же возвращаться в Америку, пожалела она, а не ждать, пока ей заявят, что к своим миллиардам она не имеет уже никакого отношения. Поэтому в этот подвал и упаковали, чтобы действительно не имела. Тарахтит где-то глубоко под коркой поршнями синий трактор в далеком прошлом, за рулем беззубый тракторист в кепке. Не французский и далеко не американский пейзаж. Так кто же она на самом деле такая? Будь проклят этот русский бизнес и этот русский пейзаж, своими корявыми видами уже пробравшийся в ее мозги! А может, ее ради того и похитили, мелькает мысль, чтобы она себя выкупила? Мысль обнадеживающая, оставлявшая хоть какую-то надежду на спасение. С ее-то состоянием она себя сто раз сможет выкупить, если, конечно, у нее оно было. Похититель-то думает, усмехнулась Кэт, что она все еще миллиар-

дерша, не догадываясь, что с двумя фигами в кармане. А что она сама теперь думает по этому поводу, что ей просто играют и целенаправленно сводят с ума? Что, если здесь у каждого своя игра, взять того же Альберта, якобы случайно нашедшего ее в клинике, где лежал и его дядечка? Случайно можно проиграть миллион в казино, во всем остальном надо искать закономерность, чем Кэт и занялась, здраво рассудив, что раз уж она сама ничего не может вспомнить путного из своей жизни, то надо хотя бы постараться не забыть то, что ей уже рассказали, от этого и отталкиваться. С этого и начала, предположив, что Альберт понятия о ней не имел, пока не увидел случайно (вот где собака порылась) в соседней палате со своим больным родственником. А когда узнал, что она про себя ничего еще и не помнит, здесь-то в его умной головке и зародился гениальный план, как развести своих американских компаньонов на солидные деньги, что сделать оказалось не так уж и сложно: убрали истинную миллиардершу и вместо нее подсунули дуру непомнящую. Ввели ей в уши историю настоящей Кэт и понеслось. Вытрясли америкосов как грушу, а ее за ненадобностью упрятали в этот подвал, сделав соучастницей в преступлении века. В этом случае сразу же становилось ясно, зачем Альберт привел ее в этот клуб, чтобы избавиться, не учтя того, что иллюзионист попутно решит избавиться и от него. Губы женщины искривила злая усмешка, так козлу и надо! Но только в том случае, если она не та, за кого себя выдает, а если все же та, если он

врет, что она не миллиардерша, зачем это ему надо? Немного подумав, Кэт нашла объяснение и этому, во всем снова были виноваты деньги, которые она же сама им и перевела как последняя дура, веря в серьезность намерений своих гнилых компаньонов, с которыми проработала уже несколько лет. Была и третья версия, самая невероятная, причины своего заточения, которую она даже не стала рассматривать, что она актриса и просто снимается в кино. И так заигралась, что давно уже все на свете перепутала, запутала и запуталась сама так, что днем с огнем ничего не разберешь, тем паче в тусклом свете своего заточенного пребывания.

Кассеты в тумбочке были старыми, что и понятно, человечество давно уже перешло с пленочных, судя по пыли, давно уже не использующихся по назначению, на электронные носители информации. И это тоже обнадеживало, что маньяк давно уже импотент и ничто плотское его не волнует. Дверей в подвале, естественно, тоже не было, как и окон, а единственный выход, устроенный в потолке, куда вела выдвижная лестница, был наглухо закрыт деревянным люком, на котором сверху, как она сразу же и предположила, стояло еще и колесо машины, так что бежать из этого склепа было невозможно. Кэт даже тоскливо усмехнулась по этому поводу: много она знала покойников, сумевших выбраться из своих склепов? Ни одного... Еще возле противоположной стены подвала валялось несколько старых резиновых покры-

шек, для полноты картины, так сказать. Вот, пожалуй, и все, что окружало эту почти заживо уже погребенную бедняжку, заточенную в это подземелье вежливым «хомячком». Как здорово *иллюзионист*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.